

Я тебя никогда не забуду

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Я тебя никогда не забуду

Анна и Сергей Литвиновы

У Наташи были причины многое скрывать о себе. Когда у нее завязался бурный роман с Иваном, она попала в хитроумную ловушку, и о любви пришлось забыть. Но она преступила закон только ради мести людям, которые хладнокровно подставили ее, исковеркав всю жизнь... Популярный писатель Иван Гурьев не жалел о том, что так и не завел семью, лишь все чаще вспоминал о Наташе. Тогда, много лет назад, они расстались при непонятных обстоятельствах: Ивана даже вызывали компетентные органы и расспрашивали о девушке. Он вроде бы ничего толком не рассказал, но после этого его карьера резко пошла в гору. Неужели он добился успеха ценой предательства?.. Иван чувствовал: ему не будет покоя, пока он не разберется в той давней истории. И – кто знает – может, еще не поздно все изменить?

Анна и Сергей Литвиновы

Я тебя никогда не забуду

Посвящается Свете Л.:

мир без тебя был бы просто невыносим.

Наши дни

Иван Гурьев, беллетрист

«...Но итоги всегда плачевны, даже если они хороши...»

Когда-то я был набит стихами. Как авоська продуктами в день, когда раздавали продуктовые заказы.

Тогда стихи еще имели значение. И играли роль.

Однажды, году в восьмидесятом, мне дали почитать Мандельштама. Не помню, какой была та книга. Возможно, «настоящий», изданный в типографии, сборник из «Библиотеки поэта». Но скорее – слепая машинописная копия.

И вот я, в ту пору студент (и начинающий поэт), переписывал стихи Мандельштама в альбом.

Нет, в самом деле! Сейчас трудно представить, трудно поверить, а ведь каждый вечер (или каждое утро) я садился и еще не устоявшимся, почти детским почерком заносил в альбом размеренные строки:

...Золотистого меду струя из бутылки текла так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела...

В альбом – как курсистка, на прекрасной мелованной бумаге! Предвосхищая вопросы современного человека, например, Сашеньки, моей секретарши: «Почему – именно в альбом, почему мелованная бумага?» – отвечу: «Да потому, что ничего другого под рукой не нашлось. Притащил кто-то из родителей такой с работы. Нельзя было в ту пору пойти в магазин и купить блокнот на выбор. Хочешь – карманного формата, а хочешь – настольного. Проблем не было только, кажется, со школьно-письменными принадлежностями, но не мог же я позволить себе переписывать Мандельштама в мышино-болотную тетрадку за две копейки?!»

Впрочем, впоследствии и с тетрадями начались перебои.

На вопросы совсем уж пещерного человека: «А почему надо было переписывать? Неужели нельзя было отксерить? Или, например, отсканировать?» – я и отвечать не буду. Не рассказывать же товарищу, что означал тогда «ксерокс».

Я, кстати, в ту пору думал: ксерокс – имя не собственное, а нарицательное. Что это название устройства. Автобус, троллейбус, ксерокс... Так вот – если кто забыл – ксероксы к тому времени уже изобрели. Однако были они по одному на учреждение, в специальных комнатах – за обитой жестью дверью! С решетками на окнах! На ночь дверь, где помещался опасный объект, опечатывалась. И, чтоб ты мог что-то отксерить, требовалось для начала заполнить особую форму: что конкретно предполагается копировать и с какой целью. Затем сотрудник первого отдела проверял, что подлежало размножению, и подписывал документ.

Ах, вам надо еще рассказать, что такое первый отдел?!

Вчера я собирался на станцию встречать Сашеньку. Едва вышел из дома, полил дождь. Как из ведра. Надо бы переждать, но совершенно невозможно представить, что она будет мокнуть на станции. И без того мне неудобно, что девушка трясется ко мне сорок минут на электричке.

Кое-как я добежал до стоящей во дворе машины. Зонтик не спасал. За пятнадцать метров пробега я ухитрился промокнуть. А когда вывернул на улицу Ленина, дождь пошел уж совсем феерический.

Да-да, вот что осталось от старого мира – почти в каждом поселке главная улица по-прежнему называется именем вождя мирового пролетариата. В городах-то с ленинизмом расправились, а в поселках и деревнях есть дела важнее и проблемы насущней, чем разными глупостями заниматься, улицы переименовывать.

Так вот, когда я вывернул на Ленина, за дождем не стало видно дороги. Ливень стоял стеной. Редкие машины остановились на обочине, включив фары. Я теперь уже скорее из упрямства, чем из-за желания непременно не промочить Сашеньку, все ехал. И тут на дорогу из какого-то проулка выскочили две девчонки. Совсем юные, длинные, но с не выросшими еще грудками. Выпрыгнули, сделали, не без изящества, несколько па под сплошным душем, льющимся с небес, и скрылись в своей насквозь промокшей одежде в каком-то доме или дворе. Во всяком случае, когда я проезжал мимо того места, откуда они вылетели на дорогу, видно их уже не было. Испарились... И тут шандарахнула молния, разрезав пространство надвое. И пространство, и - время...

...Тогда тоже был дождь. Настоящий ливень. И небо разверзлось. И молнии шарахали.

И мы стояли под козырьком нашего ДК, внутри было душно - переживали стихию. От дождя, и от свежести, и от молодости, и от ливня вдруг такой восторг переполнил душу, что я простер руки и продекламировал:

Эти летние дожди,
эти радуги и тучи —
мне от них как будто лучше,
будто что-то впереди.

Тут дело не только в восторге было, а имел я в виду произвести впечатление на двух незнакомых девчонок, жмущихся друг к другу в углу навеса.

Одна из них, толстенькая, но приятная, захихикала, а другая, юная, свежая и чистая лицом, вдруг отозвалась песней. Она подхватила своим чистым голоском, выводя мелодию, спетую юной тогда Пугачевой:

Будто будет жизнь, как та,
где давно уже я не был,
на душе, как в синем небе,

после ливня – чистота!

Она была крепкая, ладная, статная. Длинные черные волосы обрамляли румяное – безо всяких следов косметики – лицо. Жгучие черные брови, сверкающие черные глаза. Она походила на казачку, что впоследствии и подтвердилось: ее бабушка была с Дона.

В тот миг я понял, что влюбился в нее – окончательно и бесповоротно. И на всю жизнь.

И, как выяснилось, насчет всей жизни оказался прав.

Ну, разумеется, мы познакомились.

...По меркам среднего россиянина, живу я хорошо. Да что там хорошо! Просто как сыр в масле катаюсь! Дом в Подмоскowie, в ближайшем пригороде. (Участок маленький и дом старый, зато от стен Кремля всего тридцать километров. И сосны шумят.) Естественно, у меня есть машина. Мне не надо ходить на работу и каждый день париться в электричках или пробках. И еще – у меня нет начальников. Встаю я не по будильнику, а когда захочу. И редко куда-нибудь спешу...

Тьфу-тьфу, не сглазить бы!.. Жизнь у нас ох как переменчива – об этом я знаю, может, лучше, чем кто-либо другой.

К тому же подобный уровень жизни – дом в пригороде, машина – привычен, стандартен и, главное, ни малейшей зависти не вызывает у большинства европейцев или американцев.

В моей жизни нет места женщине. Я вполне нормальный мужчина, и девушки у меня случались, но без постоянно проживающей со мной дамы прекрасно обхожусь. Я сам езжу в супергипермаркет и по другим хозяйственным делам.

Вот и вчера я поехал в химчистку сдавать после зимы свои костюмы и куртки. Впереди меня в очереди оказалась женщина средних лет. Она оформляла свадебное платье. Большое и, кажется, роскошное. Процесс шел не быстро, и, скуки ради, я рассматривал и женщину, и платье. Тетеньке было около сорока – явно не новобрачная, а свежее испеченная теща. (Да наверняка теща – свекровь исключалась, потому что трудно представить себе, чтобы мать мужа занималась подвенечным нарядом невестки.) Платье выглядело куда роскошней, чем тетка. Пышное, до полу, с корсетом, нижней юбкой...

Подол и нижняя юбка оказались все вывожены в грязи. Видать, свадьбу играли в мокрую погоду – а у нас ведь, известно, где дождь, там и грязища. Таскались по улицам, возлагали цветочки, пили шампусик из пластиковых стаканчиков...

И мне подумалось: вот именно это платье и есть символ института брака. Пышное и белое снаружи – и грязное до отвратительности изнутри.

И я подумал: как же для женщин важна лицевая сторона! Вся эта мишура! Как же они мечтают (особенно в юности) о прекрасном наряде (не задумываясь о его изнанке)! С каким упоением вспоминают потом: «Ох и красивая я была тогда!»

И еще я спросил себя, прямо там, на месте, у прилавка, а раскаиваюсь ли я, что в моей жизни ни единожды не случилось подобного обряда? И с кем из своих пассий я хотел бы в итоге отправиться под венец? А сейчас сокрушаюсь, что так и не отправился?

Ответ всплыл в голове через долю секунды, сам собой: ни по ком я не жалею, и не сокрушаюсь, и не раскаиваюсь. И никого не хотел бы видеть рядом с собой в свадебном уборе.

Кроме одного человека.

И тут же на меня нахлынули воспоминания, налетели волной, водопадом, закрутили вихрем... Усилием воли я оборвал этот поток, пообещав себе, что займусь своей памятью позже, в спокойной обстановке, в кафе, или уже дома, сидя в шезлонге... Но... Но... Остановиться не получалось, и яркость тех дней снова, в который уже раз, обрушилась на меня...

1981 год, июнь

Иван Гурьев, студент,

начинающий поэт и прозаик

Ливень кончился, словно душ выключили, в один момент, и сразу засияло солнце – такое бывает только в июне и... только, когда тебе двадцать лет – хотел было добавить я, но нет, неправда. Солнце после дождя вспыхивает и в тридцать, и в сорок, и, наверное, в восемьдесят девять. Просто в двадцать лет это бывает как в первый раз, потому что только в двадцать ты, одновременно с солнцем и ливнем, бываешь влюблен – хотя в тот момент еще и сам не осознаешь этого. Просто понравилась девушка. Да, милая, да, очень хорошая, простосердечная, открытая, но – сколько таких девушек уже было на твоём жизненном пути (думаешь ты, дурак), и сколько еще будет!..

А на самом-то деле таких, как оказалось, не будет.

Ты замечаешь еще – со свойственной юнцам гиперсексуальностью: кстати, и подружка у НЕЕ вроде ничего. Немного полная, конечно. Но полнота девушку не так уж сильно и портила. В крайнем случае, помнится, даже успел подумать я в тот момент: есть запасной вариант. И можно за подружкой, если не получится с НЕЙ, приударить. А ОНА тогда взревнует и начнет меня у подружки отбивать. А не начнет, можно и запасной, толстенькой, удовольствоваться. Не высший сорт, конечно, но твердый первый. На четверочку с минусом...

Вы подумайте только! Я уже тогда втрескался в НЕЕ. А думал про расклады с подружкой... Какие только мысли не проносятся в голове у двадцатилетнего парня – даже влюбленного по-настоящему! Знали бы девчонки, о чем парни на самом деле думают! И впрямь – козлы. И кобели несчастные.

После того как ливень кончился, очень естественно получилось, что мы пошагали втроем. Из ДК все шли через дворы одной дорогой – на троллейбусную остановку. А потом ехали до метро «Новослободская» (ни «Савеловскую», ни тем паче «Дмитровскую» тогда еще не провели).

Глубоких луж на асфальте почти не было, а мелкие на глазах испарялись, парок над ними поднимался, озаряемый солнцем.

Вы не заметили, кстати, что раньше в Москве луж было гораздо меньше, чем нынче? И это не старческое брюзжание из серии: «Тогда и трава была зеленее». Нет, это медицинский факт: мокроты на асфальте оставалось в то время мало. По одной простой причине: ливневые колодцы устраивали в ту пору правильно. Потому что новый асфальт клали не гости из солнечного Чуркестана, а, как правило, студенты. И я в их числе. И, ох, как же нас настропалили начальники на то, чтобы новое покрытие лежало не просто ровно, но еще имело бы едва заметный уклон, причем в правильном направлении – к колодцу ливневой канализации...

Я все разгоняюсь в своем рассказе, хватаюсь за сопутствующие детали и не могу приступить к главному. Потому что – заповедно. Потому что – сокровенно. Потому что эта история до сих пор не окончена. До сих пор она – если уже и не болит во мне острой болью, то – жмет, теснит, сжимает.

Итак, с девушками мы познакомились. Оказалось, ЕЕ зовут Наташей, а подружку – Надей.

Если бы сейчас, спустя почти тридцать лет, я взялся рассказывать, чем ОНА сразу же меня покорила, то, разумеется, первым делом описал бы ее улыбку. Она была ослепительная, самозабвенная. И очень легко переходила в смех. А главной чертой ее психологического портрета я бы назвал простосердечие. Именно так: не сердечность, и не простота – но простосердечие, которое сочеталось в Наташе чудесным (и волнующим) образом с кокетством и женским лукавством.

И еще ОНА сильно выигрывала в моих глазах тем, что решительно не походила на наших поэтесс из литобъединения – анемичных, томных, желанных... Тех дев так и хотелось назвать чахоточными – хотя в Советском Союзе к тому времени туберкулез легких, равно как и практически все другие болезни, был полностью и окончательно побежден. Истеричные, претенциозные, с часто меняющимся настроением поэтессы – на хромой козе не подъедешь! – даже тогда во мне вызывали интерес энтомолога, изучающего забавную и диковинную букашку. И в двадцать лет я уже представлял себе последствия: влюбишься в такую – хлопот не оберешься.

А Наташа твердо и прямо стояла на ногах. Крепкая, плотная, брызжущая румянцем и сверкающая загаром (откуда он у нее успел взяться, всего лишь июнь, лето только началось?). Под простеньким летним платьем угадывалось ее совершенное стройное тело, до которого мне немедленно захотелось дотронуться – или хотя бы мимолетно прикоснуться.

Я не помню, о чем говорили мы в тот, самый первый момент, когда шли от ДК к остановке троллейбуса, но я немедленно стал ее очаровывать. Какие у меня тогда были приемы? Как все нормальные студенты, старался я быть «вруном, болтуном и хохотуном» (как называла Высоцкого Марина Влади). В то время я обладал прекрасной памятью на анекдоты, а уж когда был в ударе и распускал хвост – то вообще берегись. Конечно, основной напор я направил на НЕЕ, Наташу, а подружка Надя болталась где-то сбоку, очевидно, недовольная тем, что оказалась задвинутой на задворки, и криво усмехалась моим анекдотам и шуткам. За время, пока мы продвигались к остановке, Наташа, которую ужасно легко было пробить на смех, хохотала уж по меньшей мере раз пятнадцать – причем в положенных местах, а не случайным образом, как это делают провинциальные дурочки.

А когда мы подошли к троллейбусной остановке, толстенькая Надя – вот радость! – вдруг неуверенно объявила:

– Ну, я пошла? – словно ожидая, что кто-то из нас станет ее удерживать. Она, помню, еще взглянула на меня испытующе: вдруг я на самом деле не определился с выбором? Вдруг мое внимание к Наташе – лишь маскировка? И я просто умело скрываю свои чувства к ней?

– Да, увидимся послезавтра, – не стала удерживать ее МОЯ Наташа.

– Может, ты зайдешь ко мне за той книжкой? – Подружка явно проверяла на прочность наш едва намечавшийся союз. И пыталась обломать нам кайф.

– Нет, меня дома ждут, потом как-нибудь.

– Ну, тогда пока. Смотри, чтоб не так, как в тот раз, – таинственно заметила подруга, благополучно преданная нами, и печально побрела на противоположную сторону Бутырской улицы.

Мне пояснила потом Наташа: Надя жила, по московским меркам, совсем недалеко – всего в трех остановках в противоположную сторону, ближе к окраине. И по поводу загадочного «того раза» я тоже не преминул спросить. Девушка легко рассказала мне, что заболталась на перроне с подружкой и села не на ту электричку – и я сделал вид, что поверил. Какое право я имел ЕЕ ревновать! Пока – никакого.

И о Наде, и о «том разе» мы мимоходом проговорили в троллейбусе. А основное содержание разговора было прежним: я распушал перья, обрушивая на НЕЕ всю силу своего обаяния, она смеялась... В кармане у меня из мелочи оказалось лишь шесть копеек, две монетки по три, и она добавила к ним еще одну – тоже трехкопеечную. В итоге мы заплатили за проезд не восемь, а девять, копейку переплатили. «Двушки» были дефицитом, никто не хотел опускать их в кассу, их копили и экономили, как иначе позвонишь по телефону-автомату? Я помню эти детали еще и потому, что, когда она передавала мне монетку, впервые коснулся ее руки, а потом троллейбус качнуло, и я придержал ее за плечо... Магнетическая связь между нами превращалась в физическую. И когда мы выходили у метро, я подал ей, как джентльмен, руку – и она оперлась на нее, не царственно – символически, как практиковали обычно наши поэтессы, а весомо: я чувствовал, что действительно помог девушке, а она еще, высвобождая кисть, с милым кокетством молвила: «Спасибо».

Словом, к моменту, когда мы ступили на эскалатор, спускающийся в прохладное чрево витражной «Новослободской», я уже был совершенно очарован ЕЮ, и если и не в тот миг, то пятнадцатью минутами позже, когда мы поднимались по эскалатору «Комсомольской».

В сей промежуток времени уместился наш диалог.

– Я провожу тебя.

– О-о, не надо, – улыбнулась она.

– Почему?

– Это трудно и долго. Настоящее испытание.

– Я не боюсь испытаний. Тем более ради тебя.

- Нет-нет. Я очень далеко живу.

- В Орехово-Горохово, что ли?

- Дальше, много дальше.

- В Ленинграде?

Снова простосердечный смех.

- Ближе. Но не намного.

- В Бологом? Кстати, знаешь анекдот про балерину в поезде Москва - Петербург и поручика Ржевского?

- Нет, не слышала.

И я рассказал, и она, не чинясь, не конфузясь, искренне хохотала. Пикантные анекдоты, кстати, являлись великолепнейшим способом проверить девчонку: если понимает двусмысленности - умна, если смеется где надо - имеет чувство юмора, если не кривится и не чинится - совсем не ханжа... И все три летучих теста Наталья выдержала на «пять с плюсом»: да, вдобавок к красоте и здоровью - умна, не ханжа, понимает юмор...

Да какие там тесты! Какие проверки! Я уже погружался в нее, тонул с головой в ее глазах, улыбке, смехе. И все продолжал настаивать на провожании: «Говорят, преступность растет, вдруг на тебя нападут пьяные хулиганы?»

- Ни в коем случае.

- Но почему?

- Говорю же: я живу на самом краю света.

- Я готов и на край света. - И значительно добавил: - За тобой.

Я словно чувствовал, что наш роман с ней окажется недолгим, и форсировал события.

– Уже поздно, как ты назад-то доберешься? – отнекивалась Наталья.

– Возьму такси.

– А потом скажешь, что я тебя разорила? Нет и еще раз нет. В крайнем случае, только до электрички.

Ну, и на том спасибо, для первого-то раза. В самом деле, подумалось мне тогда, если она живет где-нибудь в Солнечногорске или Пушкине – мне ж и правда придется после ритуала провожания тащиться в полном одиночестве назад. И ради чего? Эфемерно-прощального поцелуйчика на крыльце?..

Ах, если б я знал, сколь решительно изменила бы мою жизнь та поездка с нею! И как бы она, может, перевернула наши судьбы!..

А пока мы вышли из метро в сторону Ленинградского вокзала и направились к электричкам. Я умолк, все ломал голову, как бы ее не отпустить, куда пригласить на первое свидание, и ничего не мог с ходу выдумать подходящего – а тут уже и перрон, и электричка дожидается, следующая аж до Калинина[1 - Сейчас – город Тверь.]. Я не знал, куда моя Наташа едет, в какой город, в какой пригород – билеты она в кассе не брала, расписание не смотрела. Наверное, у нее проездной – а может, она рискует и путешествует зайцем.

И только у открытых дверей электропоезда – не знаю, что на меня нашло, по-моему, я впервые в жизни был столь откровенен с девчонкой, во всяком случае, при первой встрече – я чуть не прокричал, даже не собираясь этого делать, просто вдруг с удивлением отметил, что я говорю:

– Послушай! Не уезжай! Давай погуляем! Сходим в кино. В «Октябре» идет «Каприкорн-ван», отличный штатовский фильм, пойдём!

– Нет-нет, меня ждут.

– Ах, да кто там тебя ждет? Дети малые?

- А если и так? Что тогда? Убежишь?

- Возьму тебя вместе со всем выводком.

- Сам ты не знаешь, что говоришь, Ванечка. «О, она назвала меня Ванечкой!» Извини, но мне правда надо. Завтра у мамы день рожденья, я обещала ей помочь приготовить.

- Что ж, причина уважительная. «Ладно, не буду я тебя ни о чем умолять». Как мы с тобой встретимся в следующий раз?

- Судьба сведет.

- Судьба, ты знаешь, индейка. И злодейка. Оставь свой телефон.

- У меня нет домашнего телефона.

- А на работе?

«Интересно, она трудится или еще студентка?»

- А на работу мне звонить нельзя.

«Раз работает – значит, старше меня, или, может, просто в вуз не поступила».

Мысли проносились вихрем, чувства были обострены, и я все напирал:

- Господи, ну дай телефон, я не знаю чей, соседки, подружки... Скажи, где оно, то дупло, через которое мы с тобой будем, как Маша с Дубровским, сношаться...

Она опять хохочет.

- А у тебя самого, что, тоже нет телефона?

- Есть.

- Запиши мне, я сама позвоню.

- Да, конечно.

И я лихорадочно – до отправления поезда остаются две минуты – лезу в свой полиэтиленовый пакетик (в те годы парни часто ходили с пакетиками, и никто не видел в том ничего зазорного, а если пакет фирменный, то вообще являл собой предмет гордости). Так вот, я достаю из него ручку, тетрадь с чужими конспектами по научному коммунизму, в дерматиновом переплете, девяносто шесть листов, безжалостно вырываю страницу, крупными цифрами пишу свой телефон: 373-... и так далее, ниже, еще более крупно, свое имя, протягиваю, она берет листок, аккуратно складывает, сует в свою сумочку.

- Ну, мне пора. Спасибо, что проводил.

- Нет, подожди!

Мой номер на клочке – ниточка крайне ненадежная. Она может его потерять, забыть, просто не позвонить.

- Какой запасной канал связи? – пытаюсь я вернуться в рамки деловитого и одновременно шутивого общения.

Она опять смеется и легко впрыгивает в вагон.

- Мы репетируем по средам и пятницам, с шести до восьми.

- Послезавтра придешь?

Но двери уже шипят, закрываются. Я не слышу, что она отвечает.

- Что, что ты говоришь?

Она несколько раз кивает сквозь пыльное стекло.

И поезд трогается, я поднимаю приветственно руку, а она простосердечно и весело, как почти все, что она делает, машет мне. А я ей, конечно же, отвечаю.

И, когда электричка отчаливает, я вдруг замечаю, что вокруг меня будто бы все потускнело, посерело, набежали тучи – хотя, как и прежде, мягко светит позднее вечернее солнце...

Какой уж тут, спрашивается, коммунизм? Да еще научный? Даже если экзамен – завтра? Даже если он – последний в сессии? И решается, какую тебе ближайшие семь месяцев будут платить стипендию? Получишь «отлично» – заработаешь стипендию повышенную, сорок шесть рублей. Если «хор.» – сороковник. А коли тройку или того хуже – вовсе вспомоществования не дадут... Сорок «рэ» солидная, между прочим, сумма – если учесть, что обед в студенческой столовой стоит тридцать копеек, а бутылка пива – тридцать восемь.

И все равно: я валялся на кровати, мусолил чужие конспекты, пытался писать «шпоры» – а мысли улетали к НЕЙ. Солнечная, веселая, красивая, черноглазая... И еще я с замиранием сердца бросался к телефону после каждого звонка – вдруг ОНА? И хоть рассудок говорил: вряд ли позвонит, наверняка не позвонит, тем паче что у мамы ее, она сказала, день рождения – все равно сердце замирало: а вдруг?

Но нет – звонили «в праздной суете разнообразные не те». Звонили друзья: просили конспекты, набивались в гости. Звонил родителям – те отсутствовали, вместе с младшей сестренкой были на даче (пустая квартира, чистый флэт – что за счастье для четверокурсника!) Звонила даже моя нынешняя подружка, и по всему было видно, что она не прочь встретиться и даже приехать ко мне – но я, не колеблясь, отказал. Завтра, дескать, экзамен, а после него, соврал, уеду на дачу.

Я и без того подругу свою не очень-то баловал, рассматривал ее лишь как отмычку в мир большого секса, и не более того – а теперь и вовсе, в горячах после встречи с Наташей, решил чуть ли не покончить с нею навеки: потому как любить ее казалось мне невыносимо, а врать – стыдно.

И заниматься окончательно бросил, поставил на стереофоническом проигрывателе «Аккорд» недавнюю пластинку с записью спектакля Театра

имени Ленинского комсомола «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Бродил по квартире, подпевал музыке Алексея Рыбникова, словам Пабло Неруды в переводе Павла Грушко:

Я твоя свобода,

Я твоя звезда,

На устах горячих

Чистая вода.

А потом – наплевать, что назавтра экзамен – вдруг собрался и бросился вон из квартиры...

Тогда район метро «Ждановская[2 - Ныне – «Выхино».]», где мы с родителями проживали, представлял собой совершенно тихое место. Ни рынка тебе, ни магазинчиков, ни палаток. Ни хаотичного движения машин, стихийных парковок, носильщиков, фур, частных торговцев... Все эти лохматые грибы капитализма много позже проросли сквозь существовавший уже тогда городской пейзаж: многоэтажки, дорожки, деревья... Как опята, доброкачественные, а, может, и ложные прорастают на пнях.

А тогда были мир и покой. Трое-четверо прохожих. Пара мам с колясками. Редкая оставшаяся в городе пацанва гоняет мяч на школьном стадионе. Шумят тополя, успевшие разрастись с момента заселения домов в семьдесят втором. Уютно постукивает электричка. Словом, успокоенность и нега, как во всех окраинных микрорайонах в середине рабочего дня, да еще и летом: взрослые трудятся, статью за тунеядство никто не отменял, большинство детей – у бабушек и в пионерлагерях... И у метро – никаких тебе рынков, никаких магазинов, толпы, лишь три киоска: газетный, сигаретный, мороженое, да будочка: чистка и ремонт обуви.

Невозможность усидеть на месте сорвала меня в центр города... Почему? Зачем? Любовный зуд не давал мне покоя – и я решил подготовиться к свиданию, которое, как бабушка надвое сказала, еще состоится ли...

Беготня по общаге (занять денег), по культурно-массовым точкам и местам общепита притомила – и успокоила меня. И к ночи мне пришлось-таки вернуться в квартиру и учить проклятый научный коммунизм. А завтра была уже пятница – а, значит, шанс увидеть ЕЕ. Вдохновленный, окрыленный, я одной левой сдал экзамен – кстати, на «пять», подумаешь, научный коммунизм, не высшая алгебра, наболтал чего-то идейно выдержанного, язык-то подвешен, – отверг все соблазнительные предложения друзей – поиграть в футбол, звали одни, расписать пулю в общаге – другие, а третьи и вовсе намеревались устроить сейшен на моем чистом флэте... И – я отправился туда, где был единственный шанс встретить ЕЕ...

...Сейчас ты всегда на связи. Благодаря мобильному телефону (а теперь еще и Интернету) постоянно на крючке. Любой человек и любая институция – друзья, нынешние и бывшие, работа, налоговая, милиция, пресса – могут достать тебя в любой момент времени. Ты никогда не свободен и никогда не одинок.

А в те времена... Ты вырывался из привычного круга – и никто не знал, где ты, никто не мог претендовать на тебя. Ты чувствовал себя восхитительно свободным...

В тот день я мечтал, рвался, горел, предвкушал. Разумеется, я пребывал в неизвестности и потому в некотором волнении: ведь ее мог встречать кто-то другой... у нее мог быть парень в хоре... наконец, ОНА могла просто не прийти на репетицию... А еще мне надо было купить цветов – изрядная проблема в восемьдесят первом, сколько бы денег ни имелось в твоём кошельке – цветочный киоск на «Авиамоторной» закрыт, на «Новослободской» его вовсе нет. Но не случайно ангелы благоволят пьяным и влюбленным, и у метро «Новослободская» нашлась вдруг частная и потому преследуемая милиционерами бабулька. И она продала мне за тридцать копеек роскошный букет пионов.

И вот я уже у дверей полутемного зала ДК имени М. Горького, и заглядываю внутрь – а там, прямо на сцене, репетирует хор, и я немедленно начинаю с замиранием сердца искать ЕЕ – и нахожу: ОНА во втором ряду, вторая с правого края, старательно выводит вместе с другими чистым, хрустальным, строгим голосом:

Вы слышите, грохочут сапоги

и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки,
вы знаете, куда они глядят...

Обыкновенно эта военная песня наполняет мою душу волнением и состраданием, ее очень любят исполнять в художественной самодеятельности – вроде, с одной стороны, и военно-патриотическая тематика, а с другой – лирика, Окуджава, и получается не столь официально-бравурно, как «День Победы» Тухманова, эдакое мягкое диссидентство. Но теперь мне не до стихов Окуджавы, не до песен – я испытываю только радость – радость оттого, что увидел ЕЕ. И вот репетиция подходит к концу, никто мою девушку, кажется, не поджидает, а парни, что в хоре распевают, вообще ниже всякой критики и конкуренции: один жирный, другой очкастый, третий хилый, соплей перешибешь. Да и какой, спрашивается, нормальный мужик станет голосить в полутемном зале в июньский свежий вечер, в пятницу, когда столько соблазнов? Ну а от толстенькой подружки Нади – вон она, стоит рядом с Наташей, и тоже старательно распевает – мы уж как-нибудь избавимся, что-нибудь придумаем... А вскоре – только они спели, тоже в миноре: «Раненая птица в руки не давалась, раненая птица птицей оставалась» – репетиция закончилась. Самые примерные окружили дирижера – лысого дядьку в черном пиджаке, – а большинство потянулось к выходу, ОНА в том числе... Я отошел чуть поодаль в пустом и гулком фойе, спрятал букет за спину. Выходившие певички обращали на меня внимание, ощупывали недоуменными и порой вопросительными взглядами: «Уж не ко мне ли ты явился, прекрасный принц?» – «Нет, нет, не к тебе, ступай себе с богом...»

И вот появилась из дверей ОНА, с подружкой под ручку, и сразу заметила меня, словно ждала, и сделала несколько шагов навстречу, и глаза ее засияли, а подруга осталась на месте и проводила Наталью завистливым взглядом.

– Ну, здравствуй, это я, – сказал я цитатой из песни Высоцкого (я уже говорил, что тогда мы, от донышка до горла, были набиты стихами) и протянул ей пионы.

Она приняла букет и неожиданно для меня, а может, и для самой себя, чмокнула в щеку. А потом расхохоталась и стерла с моей щеки легкий след помады.

Много лет спустя, когда Наташа уже первый раз исчезла из моей жизни, я в приступе жесточайшей ностальгии описал тот момент в стихах:

Приняла букет, поцеловала,

Засмеялась, стерла поцелуй...

Дальше дело не пошло, подходящих слов не нашлось, а вот то мгновение – приняла букет, поцеловала, засмеялась, стерла поцелуй – осталось запечатлено в моей памяти навеки.

И опять все устроилось. Наташа сбросила с хвоста подружку, и Надя печально отвалила. А потом – когда мы ехали в троллейбусе – выяснилось, что получилось, в общем-то, неудобно, потому что Наталья приехала на выходные пожить у нее. «Удобно, удобно! – вопило все мое существо. – Получилось великолепно!» Наталье не надо сегодня возвращаться в свое Подмосковье, и можно гулять хоть всю ночь напролет... Впрочем, от моего немедленного приглашения «посмотреть, как я живу», она отказалась решительно и наотрез, зато согласилась сходить со мной в кафе в Большом Комсомольском переулке, напротив ЦК ВЛКСМ (не зря же я вчера готовился к свиданию – нас там ждали). А потом – уже стемнело – мы до одури целовались на лавочке на Петровском бульваре, однако все мои попытки проникнуть к ней под одежду Наташа ласково, но твердо пресекала. А когда мы вернулись чуть ли не последним троллейбусом к одинокой Надежде на Тимирязевскую, и я со своими приставаниями последний раз был Натальей послан у полутемного подъезда и испытывал жутчайшую физиологическую неудовлетворенность – которая, впрочем, перекрывалась волной счастья: просто оттого, что ОНА рядом, и я ей, кажется, совсем не безразличен... А потом я долго ловил такси, упрашивал отвезти «за два счетчика», ехал на другой конец города по совершенно темной Москве – и душа пела...

Когда ты счастлив – кажется, что это естественное, обычное состояние, и так будет всегда...

Назавтра мы снова должны были встретиться. На следующее свидание я предложил ей программу, от которой ни одна девушка в твердом уме не могла бы отказаться (не зря же я в четверг провел тщательную подготовительную работу!). Я пригласил Наталью в Ленком, на прогон спектакля, который еще не вышел, но о котором уже говорила вся столица: настоящая рок-опера, «Юнона»

и «Авось». Билеты без мест, пусть всего лишь контрамарка на два лица, но все равно я отвалил за нее жучку за углом театра целых пятнадцать рублей.

И когда завтра мы встретились в шесть у Пушкина, свидание превзошло мои самые смелые ожидания...

Правда, ранее мне пришлось выдержать настоящую осаду со стороны моих друзей – и институтских, и из литобъединения, и даже школьных, – которые непременно хотели использовать мою квартиру для вечеринки. А потом еще позвонила мама – надо же, не поленилась пройти пять километров до почты – и стала выпрашивать, почему я вчера не доехал, как обещал, до нашей дачи. Не заболел ли, и нормально ли сдал экзамен, и почему не собираюсь приехать даже сегодня – и лишь когда, наконец, я рявкнул, что влюбился, она сочла причину уважительной и даже не стала выяснять никаких подробностей...

Мы встретились с Наташей у Пушкина и пошли в Ленком на «Юнону»... Я не буду описывать рок-оперу – за минувшие тридцать лет только совсем уж дремучие и ленивые ее не видели – скажу лишь, что я опасался: вдруг спектакль окажется не так хорош, как говорят, но он – оправдал ожидания, и даже больше. И восторг, меня охвативший, когда актеры, отдав залу все, что могли, и, дурачась, исполняли финальное «Аллилуйя любви, аллилуйя!» – объяснялся не только тем, что я смотрел спектакль рядом со своей любимой, а тем, что рок-опера была и впрямь чудо как восхитительна. Молодой Караченцов, молодой Абдулов, юная Шанина, эффектный Смеян... И на поклоны выходят как будто отстраненные Захаров, Рыбников, Вознесенский...

А потом, когда мы с Наташей вышли в еще не стемневший город, случилось другое чудо – на которое я, грешным делом, даже и не рассчитывал. Она согласилась поехать ко мне домой!!! Да, я убалтывал ее, убеждал, что покажу альбом Сальвадора Дали (привезенный контрабандой дядей-журналистом из Парижа), я обещал дать ей послушать диск с «Хоакином Мурьетой», и том Фолкнера, и ту самую переписанную от руки тетрадь с Мандельштамом – но все равно не слишком надеялся на успех. Но она согласилась, и пусть делала вид передо мной, а, главное, перед собою, что едет только ради альбома, диска, книги... Но главное – она ехала!

Там, в своей панельке на «Ждановской» – одни углы и закоулки, сорок шесть квадратов площади, – я не стал форсировать события, накрыл стол. Достал шампанское (подготовка, друзья, главное в нашем деле подготовка!), открыл баночку икры и конфеты (надеюсь, родители простят меня за разбазаривание их стратегических запасов). Они получили их в заказе и приберегали к празднику – но ведь у меня как раз праздник!

А после я читал ей стихи. В том числе и те, что мы этим вечером слышали со сцены Ленкома. Вознесенскому уже удалось опубликовать их в «Литературке». В той подборке не было пометки, что тексты входят в либретто рок-оперы. Но я знал их еще с прошлой зимы, они мною безо всякого усилия выучились наизусть. И сейчас я проникновенно декламировал для Наташи:

Белый шиповник, страсти виновник,

Разум отнять готов...

А потом:

...Для любви не названа цена,

лишь только жизнь одна...

И:

Ты меня на рассвете разбудишь,

Проводить необутая выйдешь,

Ты меня никогда не забудешь,

Ты меня никогда не увидишь...

Она прослушала последнее стихотворение, смахнула слезинку. Я предложил выпить за любовь, и Наталья подняла бокал, а потом, когда мы выпили, потребовала прочесть еще раз, и стала подпевать моей декламации, запомнив с первого же раза мелодию:

Эту воду в мурашках запруды,

Это Адмиралтейство и Биржу

Я уже никогда не забуду

И уже никогда не увижу...

Впоследствии я не раз думал: ох, как же зря я взялся читать ей в ту ночь именно эти стихи! Они ведь оказались пророческими. И может, если б я не стал декламировать их, мы бы – кто знает! – не расстались? Как говорится: не называй беду по имени. И не буди лихо, пока оно тихо.

Заслонивши тебя от простуды,

Я подумаю: Боже всевышний!

Я тебя никогда не забуду,

Я тебя никогда не увижу...

Господи, ну зачем, зачем я сам напророчил нам такое?!

С тех пор всегда – и, наверное, до конца моей жизни – слезы наворачиваются у меня на глаза, когда я слышу эту песню. (И теперь, по прошествии почти тридцати лет – тоже.) Поэтому при первых же аккордах, которые слышу по радио, я его просто выключаю.

Я очнулся уже на даче, в шезлонге... Яркость сегодняшнего дня ни в какое сравнение не шла с яркостью моих воспоминаний...

Воспоминания – моя профессия. Как и вся моя жизнь в целом. Я откусываю от своего бытия кусочки и бросаю их на потеху толпе.

В конце концов я все-таки стал писателем.

Впрочем, я этого слова не люблю. Достоевский – писатель. И Чехов. И Булгаков. И в этом ряду в России называть себя писателем... Большую для того смелость надо иметь. Если не сказать – наглость.

Поэтому в лучшем случае я – беллетрист.

Хотя издательство в своих пресс-релизах величает меня мэтром, корифеем, и даже порой звездой.

Я не возражаю. Понимаю: это – правила игры. Если от того, что меня обзывают мэтром, продастся дополнительно хотя бы десяток моих книг, я не против.

К тому же мои коллеги по цеху меня мэтром и корифеем как раз не считают. Ведь сейчас как заведено: тот, кого читает публика, – и вправду НЕ писатель. Писатель – это тот, кого штудируют литературные критики. А Зоилы мои книжки не открывают. И на меня внимания не обращают. В лучшем случае какая-нибудь красноречивая собака тебя облает, обгадит походя – и побежит дальше восхищаться клочьями скуки и нагромождением ужасов...

Я пишу низкий жанр – детективы. Я люблю их писать. И читать. И современные, и старые. И даже те, что еще не изданы.

Мои сетевые литературные френды знают об этом и частенько нагружают меня – прочти, отрецензируй, выскажи мнение – своими самоновейшими авантюрными, приключенческими, криминальными романами, повестями, рассказами. Знают о том и в издательстве и тоже подсовывают мне рукописи. И я никому, кроме явных графоманов, не отказываю. Прочитываю. И даже высылаю коротенькие рецензии.

Я мечтаю хоть кому-нибудь из начинающих хоть чем-то помочь, как помог мне в свое время писатель и критик Т-ский, и тем отплатить судьбе добром за добро.

За читку этих мемуаров я брался неохотно, очень уж странный по нынешним временам жанр – однако в издательстве меня заверили, что рукопись стоит того: «Подлинный детектив. И автор интересный, двадцать пять лет в органах проработал... Давайте подумаем вместе, Иван, под каким соусом это издать».

Москва, 1983 год, декабрь

Павел Савельевич Аристов, майор милиции,

инспектор уголовного розыска

Основано на реальных событиях

Преступление-1

Одной из «привилегий» моей работы всегда было то обстоятельство, что позвонить мне могли в любое время дня и ночи.

Вот и в тот раз телефон запиликал в половине второго, когда я видел десятый сон... Нет, вру: никаких снов я не видел, потому как устал хуже собаки – полдня и весь вечер провел на поджоге в Травяном. Заснул поздно, как в омут провалился, и вот теперь трели проклятого аппарата достали меня из глухого, глубокого и черного ущелья. К трубке я добрался к звонку четырнадцатому, когда уж и Аля проснулась, и дочка, я слышал, в своей комнате заворочалась.

– Спишь? – раздался в трубке жизнерадостный голос Бори, моего приятеля, дежурившего в ту ночь по управлению.

– Нет, крестиком вышиваю, – буркнул я.

– Прости, что разбудил, я б сам, по своей воле, никогда не посмел бы вашу светлость побеспокоить в столь ранний час да по столь ничтожному поводу... Но учти: тревожу я тебя не корысти ради, а токмо волею пославшего меня товарища полковника...

– Что ему от меня надо?

– Просил, ваша светлость, именно вас на место выехать. Аристов, он сказал-с, наш лучший сыщик, самый цепкий кадр. Не, я не шучу, так слово в слово товарищ полковник и сказали-с, и про сыщика, и про кадра.

В голосе Бориса мне послышалась определенная доза зависти, из чего я понял, что наш «полкан» и впрямь лестно обо мне отзывался.

– А что стряслось?

– Похоже, разбой.

– С жертвами?

– Да вроде нет. Кажется, только тяжкие телесные.

– Так какого же тогда ляда, – я уж совсем пробудился и начал злиться, – на тяжкие телесные «лучшего сыщика» с постели поднимают? Такой ценный, как ты говоришь, кадр беспокоят?

– Не могу-с знать, ваше благородие.

– Хватит, Боря хохмить, и так с недосыпа башка трещит. Лучше скажи толком, человеческим, русским языком, без словоерсов и «благородий»: что там стряслось?

Мне хотелось получить как можно больше вводных данных, чтобы не стало неожиданностью то, с чем я столкнусь в самое ближайшее время на месте преступления.

– Я ж тебе говорю, подробностей не знаю, – упорствовал Боря. – Но мне показалось – заметь, только показалось, – может, я и ошибаюсь, что просьба товарища полковника связана с чем-то личным.

– Понятно, – вздохнул я.

Дело прояснялось. Все мы люди. Главврач, когда в больницу попадает его приятель, просит заняться им лучшего хирурга – значит, логично, что начальник управления поднимает с постели лучшего оперативника, когда с его дружкой или родственником что-то случается. Мне, похоже, гордиться надо оказанным высоким доверием – да что-то не получалось. Спать очень хотелось.

К подъемам среди ночи привыкать мне не приходилось, поэтому по ходу разговора я уже начал одеваться. Наша с Алей спальня громадными размерами не отличалась, и длина провода позволяла мне, зажимая трубку плечом, добраться до шифоньера и выудить оттуда брюки и водолазку. Штаны я натянул во время беседы, а вот носки и водолазку надеть, когда у тебя рука занята, весьма проблематично, и потому разговор с Борей я решил закруглять.

- Куда мне ехать-то? - буркнул я.

- Недалеко. Город-герой Люберцы. Улица Калараш.

- Кала - что?

- Калараш. Да водитель место назначения знает, и машину я за тобой уже выслал. Скоро будет у тебя, выходи из подъезда.

- Давай, до связи.

Я положил трубку. Аля завозилась в постели, устраиваясь поудобнее и пытаюсь заново уснуть.

- Термос с собой возьми, - сиплым со сна голосом посоветовала она. А я, хоть умом (и сердцем) понимал, что заботится обо мне благоверная: если заторчишь на месте преступления до семи-восьми утра, а то и позже (обычно бывает именно так) - спать захочется смертельно, только крепкий кофе или, на худой конец, чай спасут. Но я все равно на жену окрысился:

- Некогда мне сейчас термосами заниматься!

И подруга жизни безропотно, словно жена декабриста, вылезла из постельки и, как была в ночнушке, отправилась на кухню варить мне кофе. А я тем временем успел экипироваться и даже зубы почистить. Только бриться не стал - ничего, и коллеги, и начальство (если оно вдруг объявится) простят мне щетину: все-таки из постели человека выдернули. Правда, электробритву я в портфель на всякий случай уложил.

А тут и машина, черная наша управленческая «Волга», подкатила – я со своего седьмого этажа хорошо видел.

Жена вручила мне тормозок (как домашняя еда называется у шахтеров): и термос, и даже пару бутербродов с докторской успела завернуть.

Ласково поправила мне кашне.

– Осторожненько, Пашенька.

Это был обычный наш ритуал: куда б я ни уходил, даже в овощной за картошкой, она всякий раз повторяла: «Осторожненько». И я каждый раз отвечал, как сегодня:

– Буду стараться.

* * *

От моего Конькова до Люберец путь неблизкий, но по ночному времени, да игнорируя светофоры и скоростной режим, добрались мы на лихой управленческой «Волге» за полчаса.

Дом, против моего ожидания (все-таки Аркадьич абы за кого просить не станет), оказался самым обычным: пятиэтажка, построенная в начале шестидесятых. Про подобные дома ходил анекдот: «Хрущев совместил ванную с туалетом – однако не успел совместить пол с потолком».

И вправду: открывший мне дверь следователь областной прокуратуры Воронежский, косая сажень в плечах, смотрелся в здешних интерьерах медведем в теремке. Он ждал меня – ему о моем грядущем приезде, конечно, уже доложили. Воронежского я немного знал. Мужик он был хороший, да и следак неплохой. Его отличали три качества: статность, въедливость и полное отсутствие чувства юмора.

– Заходи, Павел, – пригласил он меня.

– Пострадавший где? – первым делом, не раздеваясь, тихонечко спросил я его в крошечной прихожей.

– Уже в больнице, – так же вполголоса отвечал следователь.

– Какие прогнозы?

– Состояние тяжелое, но, врачи говорят, жить будет.

– Что с ним?

– Отравление. Похоже на снотворное.

Мы торчали в коридоре, я снял пальто и шапку – но, разумеется, не ботинки. Не разуваться при входе в жилье являлось неоспоримой привилегией участковых врачей и милиционеров.

В квартирке меж тем происходила возня, отголоски которой доносились и до нас с Воронежским. В гостиной сверкала фотовспышка: там работал эксперт. Из кухоньки слышалось бульканье закипающего чайника, шипенье газовой горелки, чей-то вздох.

– Пойдем, введешь меня в курс. – Я, опережая следователя, прошел в гостиную.

Собственно, мне не потребовалось много пояснений для того, чтобы понять, что здесь недавно произошло. Обстановка говорила сама за себя. Журнальный столик, а на нем – любовный натюрморт: бутылка коньяку, два фужера, коробка конфет, хрустальная вазочка с тремя яблоками. Впритык разложенный диван, со свежестеленной простыней, взбаламученным одеялом и двумя подушками – еще, казалось, хранившими следы голов, что впечатались в них в порыве страсти. Словом, картина «Адюльтер». Или «Запретное свидание».

Но, помимо пейзажа, свидетельствующего о том, что недавно здесь происходила интимная встреча – словно поверх первого культурного слоя, – в комнатухе царил чудовищный бардак. Такой всегда бывает, мне довелось уж навидаться, в результате стремительного воровского обыска.

Были выпотрошены и брошены на пол ящики секретера. Вывалена из комода стопка постельного белья. В серванте опрокинуты хрустальные вазы, салатницы и конфетницы... На ковре и на полу валялись осколки супницы, сахарницы, заварочного чайника. Выкинут со своего почетного места цветной телевизор.

Все это безобразие последовательно запечатлевал на фотокамеру незнакомый мне эксперт.

- Здесь еще одна комната? - кивнул я на дверь, ведущую из гостиной.

- Две, распашонкой, - ответил Воронежский. - Там похожая картина.

- Не было конкретной наводки, - проверил я собственный вывод, - например, на тайник? Искали, что бог пошлет, шуровали повсюду...

- Похоже, - вздохнул следователь.

«А может быть, - подумал я, - не было никакой наводки вообще. Взяли случайное жилье, первого попавшегося бабника... Но какая связь между невезучим люберецким ловеласом и нашим полковником? Почему Аркадьич опять подключил к делу меня?»

Я увлек Воронежского в запроходную комнату. Там было нечто вроде кабинета: письменный стол, старинный «Ундервуд» и полки с книгами. Здесь разбойники тоже хорошо пошарили. В основном среди книг. Большую их часть безжалостно разбросали по полу. Я присмотрелся к корешкам: в основном техническая литература - физика, химия, биология... Раскиданы журналы «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Техника - молодежи»... Их тоже, судя по всему, протрусили - преступникам не надо иметь наводчика или быть Спинозой, чтобы догадаться: ученый любит хранить свои сбережения в каком-нибудь толстенном «Справочнике инженера».

Я всегда считал и считаю, что вещи зачастую могут рассказать о хозяевах много больше, чем они сами. Нет, я не то чтобы Шерлок Холмс. Я не определяю по забытой трости возраст, род занятий и телосложение джентльмена. Но даже бегло осмотренная квартира более информативна, чем двухчасовой опрос.

Вот и сейчас меня заинтересовала фотография, висевшая в рамочке над столом. Сделанная в фотоателье, она являла собой композицию под условным названием «Любовь до доски гробовой»: мужчина – худой, красивый, породистый, бородатый – прижимался щечкой к девушке – свежей, юной, но, между нами, с наглыми и вызывающе порочными глазами.

– Хозяева? – уточнил я, указав на фотку.

Воронежский кивнул.

Странное сочетание. Над рабочим столом ученого висит он сам в объятиях супруги, и при этом вдруг затаскивает в постель воровку. Впрочем, может быть, я старомоден.

– Значит, этот красавец и есть наш пострадавший? Сегодняшний герой-любовник? Он сейчас лежит с отравлением – видимо, в Склифе?

– Да. Да. Да, – скрупулезно ответил на все три вопроса следователь.

– А где мадам?

– Пишет на кухне объяснение. И составляет список похищенного.

– Молоток ты, Воронежский, – искренне похвалил я следака. – Все у тебя при деле. Все шестереночки крутятся.

Мой визави аж зарделся от похвалы.

– А теперь давай расскажи мне по порядку, что да как.

Мы присели – я за стол хозяина, а мой соратник по уголовному делу – на кресло-кровать.

– Хозяйка квартиры, – забубнил Воронежский, – вернулась домой с работы около двадцати четырех ноль-ноль...

- Подожди-подожди, - прервал я его, - почему так поздно? Кем она работает?

- Да я... - растерянно поморгал следователь. - Я не знаю... Пока не спросил...

Отсутствие чувства юмора зачастую ходит рука об руку с недостатком воображения, я всегда это знал. Для следака неумение воображать - изъян еще извинительный, но для опера - недопустимый. Самый ведь интересный вопрос: почему жена приходит домой в полночь, а муж настолько уверен, что она не явится раньше, что даже приводит к себе в дом пробл***шку.

- Квартирка у них, обрати внимание, зажиточная, - заметил я. - Количество хрусталя значительно превышает среднестатистические нормы для Московской области.

Воронежский подозрительно покосился на меня: может, и впрямь существуют некие показатели по хрусталю на душу населения? С разбивкой по районам, областям и союзным республикам?

- Ладно, извини, я тебя перебил. Продолжай.

- А чего там продолжать? Пришла хозяйка, позвонила - не открывают. Отперла дверь своим ключом. А тут картина, достойная Цусимы, и в кровати ее супруг - без признаков жизни. Она кинулась в «Скорую» звонить, потом в милицию. Со «скорпомощным» врачом я поговорил. Он сказал, что у мужика, скорее всего, отравление сильнодействующим лекарственным препаратом. Увезли пострадавшего в Склиф.

- Мадам уж поняла, чем тут благоверный в ее отсутствие занимался?

- Не могу судить. Она, по-моему, в шоке... Ладно, - вздохнул мой соратник по борьбе с неуклонно падающей преступностью, - мне еще протокол писать.

- А я пойду с хозяйкой потолкую. Будем надеяться, что она уже свою скорбную повесть о похищенном завершила.

По пути, в разгромленной гостиной, я поинтересовался у не знакомого мне эксперта:

- Пальчики нашли?

- Ничего нет. Даже хозяйских.

«Умные ребята, протерли все перед отходом».

- Поищи еще, мой дорогой. Глядишь, и отыщется разбойница. Она ж не в перчатках с ним коньяк пила.

Эксперт улыбнулся.

- Пошукаем, товарищ майор.

«Ишь ты, «товарищ майор» – значит, он меня заочно знает. Воистину, слух обо мне пройдет по всей Руси великой. Признание товарищей по цеху приятней любой другой славы... Звучит как афоризм. Интересно, кто это сказал? Или я сам придумал?»

- Так что там, на бокальчиках? – спросил я.

- Ничего, – пожал плечами эксперт. – Похоже, их помыли.

- Помыли?! – Я не смог сдержать удивления.

«Помыли – это, конечно, логично, следы клофелина или другой дряни надобно было уничтожить, равно, как и отпечатки лап. Но какого тогда рожна фужеры опять принесли в гостиную из кухни?»

Я понюхал стакан. И впрямь, свежеемыт, никакого запаха. Странные преступники – делать им было нечего, носить из кухни назад помытые бокалы...

Я прошел в крошечную кухоньку (метров пять, не больше). Кавардак в ней тоже царил преизрядный. Банки с крупами выставлены на рабочий стол, крышки сняты – но пшено и греча не рассыпаны. Я еще раз убедился, что работали либо профессионалы, либо просто люди с головой. Судить о сем можно и по тому, что они знали или догадывались, где граждане устраивают тайники, и что искали не слишком варварски, а с умом: сыпучее не стали вываливать из коробок, а просто

чем-то истыкали... И в дымоходе решетка отвернута, болтается на двух шурупах... По полу разбросаны кастрюли и сковородки – их, сидя на корточках, подбирает хозяйка.

– Минуточку! – остановил я ее. – А вам эксперт разрешил это трогать?

Женщина растерянно распрямилась.

– Да, он осмотрел, сказал, можно поднять...

Хозяйка была невысокого роста, крепенькая, в модном костюмчике. Чуть ниже буклированного подола сверкали круглые яблоки коленей, а из выреза рвались две налитые грудки. Глазки же, несмотря на заплаканность и горестность, смотрели довольно вызывающе. Наверняка за этой штучкой табуном ходят мужики. Даже странно: чего не хватало ее ученому мужу? Почему потянуло к приключениям на стороне?

– Вы объяснение написали? – спросил я.

– Да.

– И список похищенного составили?

Женщина кивнула.

– Там, на столе.

– Тогда я почитаю, а вы можете пока продолжать.

Из объяснения я ничего нового для себя не вынес: «Пришла около двенадцати ночи... Все вещи раскиданы... Муж лежит на тахте без признаков жизни...» Зато список похищенного впечатлял. Номером первым значился – ого! – «видеомагнитофон импортный, японский, фирмы «Сони» и четыре видеокассеты с записями к нему». Далее шел магнитофон двухкассетный переносной, японский, фирмы «Нэшнл». Потом – шуба норковая, сорок шестого размера. Затем – денежные средства в размере одной тысячи ста пятидесяти рублей. И целый список украшений из золота и серебра, начиная с броши с бриллиантами

и заканчивая «рюмкой питьевой серебряной с чернением» – на общую сумму примерно три тысячи триста рублей.

Я отложил бумаги, глянул на часы – половина четвертого – и откинулся на табуретке, оперся спиной о холодную стену. Когда приходится интенсивно работать, особенно ночью, временами на меня накатывает ощущение полной, безнадежной усталости и даже прострации. Однако я изобрел средство против таких приступов: надо посидеть с закрытыми глазами, отрешившись от внешнего мира. Самое интересное, что обычно в это время, на фоне физической опустошенности, начинается интенсивная умственная деятельность. Составляется план расследования, приходят в голову любопытные идеи... Вот и сейчас я подумал: надо, не откладывая в долгий ящик, прямо утром мобилизовать участкового и взять двух-трех оперов из местного отделения. И, пока люди не ушли на работу, начать поквартирный обход: заметил ли народ вчера вечером граждан, выносящих из подъезда довольно тяжелые свертки или чемоданы? Кстати, надо спросить хозяйку, похитили ли чемоданы... Без баулов им никуда – видеомаг, двухкассетник и тем паче шубу иначе не утащить. И вряд ли они скрылись с места преступления на общественном транспорте. Наверняка была машина – надо и про нее свидетелей спрашивать... Еще, конечно, следует разговорить хозяйку: ловеласом ли был ее благоверный? А потом, конечно, когда незадачливый любовничек в себя придет – он, будем надеяться, очнется, обычно клофелинщицы страсть как не любят до мокрухи дело доводить, тут уж совсем другая статья... И когда похотливый муж придет в себя, надо, чтоб он подробнейшим образом свою мимолетную возлюбленную описал, включая все родинки на ее теле... Составим субъективное изображение преступницы... Дальше посмотрим по картотеке, а если еще эксперты хоть один пальчик ее отыщут – вообще дело, можно сказать, в шляпе: работали, похоже, профессионалы, а раз так, то велика вероятность, что они ранее задерживались или даже были судимы...

Я, кажется, уснул на пару мгновений – меня вывел из забытья грохнувший о плиту чайник. Я вдруг почувствовал себя бодрым и отдохнувшим.

– Вам чайку? – участливо обернулась ко мне от плиты хозяйка. – Или кофе? У меня есть растворимый.

Я для порядка запротестовал:

– У меня у самого есть термос с кофе.

- Да бросьте, - махнула рукой женщина, - попейте свеженького, горяченького.

Она выставила на стол дефицитную банку индийского растворимого кофе, лимонные дольки и вазочку с «Мишками на Севере».

- Мы с вами так и не познакомились, - молвил я, - меня зовут Павел Савельич, фамилия - Аристов. Я инспектор уголовного розыска, иными словами - сыщик.

- А я Маргарита Сергеевна Степанцова. Можно просто Рита. Вам две ложечки кофе или три?

- Три, если не жалко.

- А сахару?

- Два кусочка. А вы, Рита, наверное, в системе торговли работаете?

- Как вы догадались? - кокетничала она.

- Элементарно, Ватсон, - усмехнулся я. - Угощаете сплошным дефицитом. Да и видеомэгнофопн - вещь в хозяйстве не самая привычная...

- Ну, видюшник как раз Саня с симпозиума в Японии привез.

- Он у вас ученый?

- Да, кандидат физико-математических наук, преподает в университете, доцент.

Регалии своего супруга дама перечислила с наивным удовольствием - так говорят обычно далекие от науки люди.

- Ну а ваше место работы? - перебил я ее.

- Я тружусь в универмаге «Московский». Знаете, тот самый, новый, на трех вокзалах. Я завсекцией.

- Вечером вы на службе были?

- Ну да.

- А до которого часа у вас рабочий день?

- До девяти.

- Поздновато вы до дому добрались...

Хозяйка сразу принялась оправдываться, словно наконец пришла пора пустить в ход прибереженное и отрепетированное для мужа объяснение:

- Да у нас в системе торговли вечно: пока то, пока се... Потом электричку отменили, пришлось на Казанском прохладиться, потом от станции пешком, в такую позднь разве автобуса дождешься...

Острым нюхом недавно бросившего курить человека я ощутил, что от нее слабо, но явственно пахнет водочкой. «После работы она слегка поддала. Оттого и такое отрепетированное, многословное объяснение: электричку отменили, от станции пешком шла... Готовилась оправдываться перед муженьком... Весело они в итоге жили... Супруг приводит в дом мошенницу, супружница в это время после работы куролесит... А что она, собственно, делала? Может, с коллегам керосинила... А может, и любовничек у нее есть, с ним и встречалась...»

Я сменил тему:

- А муж ваш вчера - что же, не работал?

- У него был библиотечный день. - Она поджала губы.

- И часто он в библиотечные дни так? - я мотнул головой в сторону разгромленной комнаты. - Развлекается?

Вопрос прозвучал для Маргариты Сергеевны неожиданно - на то и был расчет. Чашка в руке дрогнула, лицо закаменело.

– Как-то раньше не замечала, – с вызовом ответствовала она. И тихо, со злобой, адресованной не мне, но мужу, добавила: – Думаю, первый и последний раз.

Я понял, что, когда доцент очнется, ему предстоит весьма непростой разговор.

– А он вообще-то женщинами увлекается?

– А вам-то что? – буркнула свидетельница.

– Ну, вы ж понимаете: в преступлении явно замешана дама, разве нет? Вот я и подумал: может, какая его давняя подруга? Знакомая?

– Никаких подруг у Саши нет, – отрезала завсекцией. – Тем более – давних.

– То есть вы о них не знаете?

Она снова полыхнула на меня сердитым глазом и отрезала с нажимом:

– Да, я о них не знаю. Не было у него никого!

– А у вас? – задал я вопрос, намеренно прозвучавший двусмысленно.

– Что – у меня? – окрысилась продавщица.

– У вас подруги есть?

– Ну, допустим.

– Вот я и подумал: может, какая-то подружка ненавидела вас, завидовала? И в отместку супруга вашего решила соблазнить – со всеми вытекающими отсюда последствиями? А?

Рита задумалась.

Пусть подумает. Зерно сомнений я ей в душу заронил. А я продолжал:

– Или, допустим, другая версия. Кто-то из ваших знакомых (упаси бог, конечно) находится в дружеских отношениях с преступным элементом, а? Вот он взял, да и навел преступников на ваш дом? Все-таки и шуба, и видеомэгнофон, и золото, и деньги – хороший улов. Не рядовая у вас квартира-то... Зажиточная...

Наконец Маргарита неуверенно молвила:

– Чтоб до такого любая моя подруга дошла – не верю... Да и потом, они все у меня... – Она замялась, подбирая словцо, – обеспеченные...

– Ну, бывает, подружка не поживиться хочет, а вред нанести. И не только физический – материальные ценности отобрать, но и моральный – чужого мужа соблазнить. Так что вы вспоминайте, вспоминайте, – поднажал я, – может, кто-то из ваших товарок на супруга вашего внимание повышенное обращал, кокетничал с ним, к примеру?

– Да не было такого! Они и не пересекались вовсе! У него – своя жизнь, у меня – своя.

– Значит, происшедшее здесь вечером – совершенно нетипичный случай?

– Я и подумать ни о чем подобном не могла!

– Ну а у вас лично как с друзьями?

– Я ж вам говорю...

– Я имею в виду – мужского пола. Ваши личные знакомые у вас в квартире бывали?

– Послушайте! – вскипела она. – Я вовсе не обязана перед вами отчитываться!

– Разговор у нас с вами, Маргарита Сергеевна, неофициальный, – ответил я мягко. – И никто о нем не узнает. Тем более ваш муж. Я обещаю.

«Дамочка не промах. Ишь, как взвилась! Значит, я попал в точку: у нее, конечно, есть любовник».

Продавщица молчала, стиснув губы.

– Я ведь не из полиции нравов, – увещевал ее я. – Такая только на Западе бывает. Я – преступников ищу. А самый простой способ на них выйти, уж поверьте мне: обнаружить того, кто разбойников на вашу квартиру навел. И тут лучше трех невиновных проверить, чем одного виновного упустить.

– Ага, знаю я, как вы проверять будете, – буркнула она. – Звону пойдет – на всю Ивановскую.

– Бросьте вы. Люди даже и не заметят, что ими интересуются. Если они невиновны, конечно. Отработаем их связи, поглядим: нет ли контактов с криминальным миром. Впрочем, не буду раскрывать нашу кухню. Обещаю: все будет тихо и максимально тактично. Поэтому – подумайте. Вспомните: кто у вас бывал и видел, как вы живете. Ведь живете вы – чего греха таить! – в материальном смысле хорошо. Весьма обеспеченно.

– На свои живем, на заработанные, – выдохнула она.

– А я рази что говорю?

Я отодвинул чашку и вышел из кухни, оставив потерпевшую наедине с уборкой и, главное, со своими мыслями.

В гостиной, устроившись за тем самым журнальным столом с остатками вечерней интимной трапезы, Воронежский стремительным почерком писал протокол. Эксперт в изнеможении сидел в кресле – даже, кажется, прикемарил.

– Что-нибудь нашли? – спросил я следователя.

– Ничего. Ни единого следа. Ни одного пальчика. Даже хозяйских не обнаружили. Бандиты все перед уходом протерли.

– Опытные.

– Да, очевидно, рецидивисты. И, кстати, не похоже, что половой акт имел место.

- Что ж, понятное дело: преступница пришла сюда грабить, а не...

- Вот именно... Разве что вот, нашли под диваном, - и Воронежский протянул мне тюбик помады. - Держи, отпечатков на нем нет.

- Вообще никаких? - уточнил я.

- Вообще, - Воронежский со значением посмотрел мне в глаза.

В самом деле, странно. Если допустить, что помада принадлежит преступнице и та, скажем, обронила ее случайно, зачем тогда тюбик предварительно протирать? А если он принадлежит хозяйке, опять же: к чему на нем уничтожать отпечатки?

- Пойду предъявлю потерпевшей. - Я взял помаду и отправился на кухню.

Степанцова продолжала наводить порядок: расставляла по местам банки с крупами. Потерянной она выглядела и жалкой. Я даже в душе посочувствовал ей, хоть и не любил торгашек. Еще бы: в один вечер мало того, что лишиться шубы, драгоценностей, аппаратуры, но вдобавок узнать, что мужик тебе изменяет! Наглым образом, с грязной мошенницей.

- Маргарита Сергеевна, вам знаком этот предмет? - Я продемонстрировал ей помаду. Женщина вгляделась.

- Н-нет...

- Это не ваш тюбик? - переформулировал я вопрос.

- Посмотреть можно?

- Пожалуйста.

- «Пупа», коричневая... - пробормотала Маргарита Сергеевна. - Сроду я такой не пользовалась. Не мой цвет.

- А может, вы у кого-то из своих знакомых такую видели?

Тут в глазах женщины вроде блеснула искра узнавания. Впрочем, это только мне показалось, потому что потерпевшая быстро проговорила:

- Нет, не припомню.

Преступление-2

К шести утра я выдернул участкового и двух инспекторов из местного угро, нацелил их на поквартирный обход:

- Обращайте внимание свидетелей на двоих или троих людей. Номер первый - женщина, вышедшая вечером из этой квартиры либо из подъезда с баулами, сумками, большими свертками. Спрашиваете также, входила ли она одним-двумя часами ранее в эту квартиру вместе с хозяином. Не забываете про машину, которая, возможно, дожидалась ее вблизи от дома. Особенно людям сейчас не докучайте, они на работу торопятся, расспрашивайте быстро. Кого не успеете допросить - пройдите вечером. Пенсионеров, учащихся опросите в течение дня. Все ясно?

- Так точно.

- Выполняйте.

Домой я решил не ехать. Какой смысл, все равно отоспаться не удастся, на двенадцать у меня назначена встреча с потерпевшей по другому делу. Я сказал шоферу, чтобы отвез меня в управление. По пути, наблюдая, как мелькают за окном пятиэтажки пригорода, я думал, что надо зарядить агентуру, особенно среди скупщиков краденого, на похищенные видеомаг, двухкассетник и шубу. Совсем не рядовая для квартирных воров добыча. И, если что-то мелькнет... Додумать мысль я не успел, ибо уснул.

Машина остановилась возле управления, и я пробудился. Пустынными утренними коридорами поднялся в свой кабинет и немедленно продолжил сон

на старом диванчике, предварительно отключив телефоны, – благо мой сосед по комнате пребывал в командировке. Пару раз в дверь стучали, но неуверенно, я продираю было глаза, однако через минуту снова погружался в царство Морфея.

В одиннадцать я проснулся, чувствуя себя одновременно и освеженным, и отчасти разбитым – так всегда бывает от внеурочного сна, да еще в одежде. Чтобы устранить внутреннее ощущение помятости, я побрился, сходил в туалет и поплескался над раковиной, а потом выпил кофе из жениного термоса, еще сохранившего тепло. Словом, к двенадцати я уже отстранился от преступления, которым занимался ночью, и приготовился к разговору с потерпевшей по другому делу.

Чтобы окончательно собраться с мыслями и настроиться на совсем иные обстоятельства, я открыл свои записи. Оперативное сопровождение преступления-2 поручил мне вчера опять-таки полковник, но само оно хронологически произошло раньше, третьего дня.

...Дом в дачном поселке Травяное, в двенадцати километрах от Окружной, запылал в три часа ночи. Через двадцать минут прибыли пожарные расчеты, но двухэтажное частное строение горело уже интенсивно, и борцы с огнем сосредоточились в основном не на тушении (тем более что людей, по уверению соседей, в доме не было), а на том, чтобы огонь не перекинулся на соседние постройки. В итоге дом был уничтожен полностью.

Пожарно-техническая инспекция определила: у пожара нашлось как минимум два очага возгорания – стало быть, имел место поджог. Возбудили уголовное дело, и полковник расписал его мне.

Вчера днем я уже побывал в Травяном на месте происшествия и без труда, сидя в своем кабинете в управлении, припомнил увиденную картинку.

...Запах гари чувствовался едва ли не за пятьсот метров. Черные разбросанные бревна... Снег, усеянный головешками... Обугленная русская печь... Вот и все, что осталось от дома. Картина – словно из фильма Сергея Бондарчука «Они сражались за Родину». Только, в отличие от военных лет, весь заснеженный участок усыпан кусками взорвавшегося и разлетевшегося шифера...

Одна из сосен, возвышающаяся над домом, слегка пригорела с одной стороны. Другие деревья не пострадали. Ворота, ведущие на участок, выбиты, створки висят на одной петле – видать, пожарные с боем прорывались к очагу возгорания. Снег вокруг дома истоптан, изъезжен колесами.

А участок громадный, соток пятьдесят. Есть и плодовые деревья, и теплица, и беседка, и банька, и немалое пространство, где, по всей видимости, летом расцветают грядки. Зажиточное хозяйство...

По зимнему времени большинство домов в поселке пустовало – они одиноко утопали в снегах, окна забиты досками. Я нашел лишь нескольких очевидцев из числа тех, что сейчас, в декабре, проживали в поселке (их местный участковый называл «зимниками».)

Однако и «зимники» ничего не видали, не слышали. Проснулись, когда строение уже запылало. Сосед, имевший телефон, позвонил в «01».

И все ж таки я отыскал одну бабульку лет семидесяти – ее дом располагался через улицу, наискосок от пострадавшего строения, метрах в пятидесяти. Бабулька – точнее ее надо бы назвать старой дамой – произвела на меня впечатление слегка малахольной. И тем не менее она рассказала, да с жаром необычайным, как в ту ночь проснулась от шума. Поглядела на будильник: два часа. Звуки доносились со стороны участка соседки. Она подошла к окну, выходящему на улицу, и увидела, как к соседке перелезают через забор две темные фигуры.

Я сначала не очень-то поверил даме, уж не выдумывает ли задним числом? Все ж ее дом располагался довольно далеко от сгоревшего, вдобавок меж ними росли тополя, пара сосен, елки. Я помог мамаше подняться, попросил указать: откуда, в точности, она видела супостатов? «Пожалуйста», – женщина величественно смотрела на меня, будто на Фому неверующего. Мы бодро взобрались по крутой лестнице на второй этаж. Дама вытянула перст, превратившись в державный памятник: вот тут, тут они через забор-то и перемахнули! И правда, не приврала леди: отсюда видимость была прекрасной: и дом сгоревший, и половина соседского участка, и часть ограждавшего его забора как на ладони. Поджигатели, указала старуха, лезли там, где ворота. Очень грамотно с их стороны – все равно следы потом заездили пожарные машины, затоптали соседи.

«А затем, – продолжила в ажитации, захлебываясь словами, свою повесть хозяйка, – я смотрю: в доме Ивановны – свет! Да не такой, чтоб как от электричества, а узкие кинжальные лучи в темных окнах мечутся, – я после догадалась: они там с фонариками орудовали! Отсветы, отсветы! Они искали чего-то!..»

– Что ж вы милицию сразу не известили? – упрекнул я свидетельницу.

– Как, молодой человек, вы прикажете мне в милицию сообщить? Телефона-то у меня нет! Это что ж я: среди ночи должна была по темной улице в отделение бежать? Когда эти двое того и гляди обратно через забор перелезут – и за мной с ножами?!

Короче, грабители с фонариками, если верить свидетельнице, орудовали долго, чуть не час. А потом дом и полыхнул.

– Вы видели, как они обратно через забор лезли? – поинтересовался я.

– Нет, не было их! Должно быть, другим путем утекли!

– А описать их можете?

– Как же я их вам опишу?! Ночь, они в черном, в шапках! Но – молодые. Через забор перемахнули, словно Брумель!..

– А на чем они приехали? Вы машину какую-нибудь поблизости видели?

Дама подхватила:

– Да, машина! Я не видела, но двигатель ревел! Среди ночи! НЕ вначале, когда они только полезли – хотя, может, я и не слышала, – а потом, уже когда пожар начался. Где-то вдалеке – дыр-дыр-дыр! Я еще подумала: откуда в столь поздний час взялась здесь машина?

Впоследствии, к сожалению, местный участковый ценность показаний моего единственного свидетеля поставил под сомнение. Махнул рукой пренебрежительно:

– А, Варвара Федоровна!.. Она у нас известная... – и сделав выразительную паузу, покрутил рукой в воздухе в районе собственного виска.

– Известная – кто?

– Рассказчица. Мастер разговорного жанра. Она, знаете ли, даже на учете в психдиспансере состоит. И в дурдоме два раза лежала.

– В дурдоме? А что она натворила?

– Письма пишет. Болезненные фантазии у нее. Бредовые идеи по переустройству общества. Критикует все подряд. И пишет, и пишет. Сначала просто в политбюро писала, потом – лично товарищу Андропову, а теперь уже и до президента Рейгана добралась...

Я не стал спорить с лейтенантом, что от критики существующих порядков до галлюцинации в виде двух фигур, перелезающих через забор, – дистанция огромного размера. Впрочем, я не настолько разбираюсь в психиатрии...

Потом мы с ним занялись личностью хозяйки сгоревшей дачи. Формально дом и садовый участок принадлежали вдове генерала Марусенко (иным, менее высокородным гражданам, владеть землей столь близко от Москвы не полагалось). Я поговорил по телефону с генеральшей и понял, что для нее, в силу преклонного возраста, дом в Травянном – все равно что поворот сибирских рек – абсолютно неинтересен. Судя по всему, из многообразия вещей, что существуют в мире, для нее имеют значение лишь те, что связаны с собственным висящим на ниточке здоровьем: показатели сахара, белка, гемоглобина, лейкоцитов и прочее. Генеральша в доме в Травянном в последние лет десять даже не появлялась, и фактически им безраздельно владела ее невестка – тоже вдовая. Муж невестки (и, соответственно, сын генерала и генеральши) скоропостижно скончался пару лет назад.

Фактическую владелицу дачи звали Порядиной Полиной Ивановной.

...Вот эту самую пострадавшую Порядину я и вызвал сегодня на двенадцать в управление.

Она вошла – потухшая, скорбная, с губами в ниточку. По-моему, даже чуточку переигрывает. И не разберешь, где кончается ее истинное переживание из-за материальной утраты, а где начинается работа на публику. Бывает, даже свежеиспеченные вдовы выглядят куда менее трагично, чем она, – я сам видывал.

Порядина хмуро на меня посмотрела, недобро. Подозрительно. Словно я тоже замешан в поджоге ее дачи.

После короткого сна без постельного белья (и в белье нательном, как в анекдоте) я чувствовал некую неуютность в организме. Словно все тело отсидел – включая голову. И сразу для себя решил: нет у меня сил переламять негативное отношение потерпевшей к расследованию (какое налицо) и располагать ее к себе. Сразу видно: мы с нею все равно не подружимся. Значит, надо выудить из нее столько информации, сколько получится, да и отправить восвояси. И я начал задавать стандартные вопросы.

– Дача была застрахована?

– Нет.

– Хранились ли в доме ценности?

– Вы что имеете в виду?

– То и имею! – рявкнул я. – Ценности, они и есть ценности! Золото, бриллианты? Деньги? Электроника импортная?

– Нет, ничего такого...

– А что «такое» имелось?

– Да как сказать? Я не знаю...

В ее глазах вдруг полыхнул страх. Словно она держала на даче что-то ужасно недозволенное и теперь страшится, как бы сей факт не всплыл.

– Что у вас там было? – нажал я.

Но она уже овладела собой и стала мой вопрос забалтывать:

– Да много чего! Ковры... Паласы... Телевизор... Плитка электрическая... Посуда... Люстры... В подполе – продукты, я картошки десять мешков заложила, капусты бочонок заквасила, тридцать баллонов трехлитровых одной клубники завертела, а еще смородины...

– Ясно! – прервал я Порядину на полуслове и отмел рукой ее продовольственную программу. – Не нужна никому ваша смородина. Я спрашиваю о действительно ценном. И важном. Что было в доме?

И снова ответ страха в глазах.

– Нет, ничего важного, – торопливо и четко, как юный пионер, ответила Порядина.

«Что-то у нее там было, – понял я. – Но что? Тайник с драгоценностями? Иконы? Ордена свекра-генерала? И сначала похитили это, а потом, заметая следы, дом подожгли? Значит, кто-то их на ценности навел? Или – произошла случайность? Дом обокрали тамошние бичи, а потом его просто спалили? Ох, не верю я в случайности... Но все равно эта потерпевшая правды мне, похоже, никогда не расскажет... Придется узнавать окольными путями...»

И я перевел разговор:

– У вас в доме гости бывали? Подруги? Родственники? Может быть, мужчины?

– Вы, что же, их теперь подозревать будете? – оцетинилась женщина.

– А почему бы нет?

– Это исключено, – категорично отмела дама, и я понял, что продолжать разговор в данном направлении бесперспективно: все равно ничего не скажет, ничьих фамилий не назовет.

– А как у вас с соседями по участку? – спросил я. – Хорошие отношения?

Губы у нее опять вытянулись в злую ниточку.

– Нормальные.

– Нормальные – это не ответ! – снова рявкнул я. – Это у СССР с Америкой отношения то «нормальные», то «нормализуются». А с соседями они могут быть дружескими, ровными, нейтральными, неприязненными... Итак? Какие отношения? Мог кто-то из соседей вашу дачу сжечь?

– А мне откуда знать? Вы следователь – вам видней.

– Я, во-первых, не следователь, а опер, и беседа наша с вами не под протокол идет, а, как я вас и предупредил, неофициально... А во-вторых: с ваших слов я могу понять, что вы не исключаете, что вашу дачу сожгли соседи, так? Кого конкретно вы подозреваете?

Она заюлила:

– Ой, ну что вы, соседи у меня нормальные: и Семен Сергеич, генерал в отставке, и супруга его, Аглая, мы иной раз и посабачимся, и покричим – а потом чай вместе пьем, в лото играем... А поджечь? Не-ет, они б не стали!.. Да они бы первые тогда пострадали: их-то дом от моего совсем рядом, того гляди вспыхнет... Странно еще, как у них-то не загорелось...

«То есть, – перевел я для себя последние слова Порядиной, – ты-то, злыдня, конечно, мечтала бы, чтобы и соседский дом сгорел... Н-да, не хотел бы я с такой мегерой дачами соседствовать... Впрочем, у меня дачи нет и не предвидится пока – не дослужился».

– Значит, соседей в качестве возможных поджигателей мы исключаем?

Она еще поколебалась немного – очень, видно, хотелось ей попортить кровь и генералу в отставке, и жене его Аглае, чтоб я к ним пришел и выпрашивал, и подозревал, но рассудительность взяла вверх, и дама скорбно ответствовала:

– Да, их надо исключить.

– А кто с вами с других сторон соседствует?

– А, – Порядина пренебрежительно взмахнула рукой, – мы до них не касаемся. Их и не бывает почти. Дома заколоченные стоят.

– Кого еще вы подозреваете в поджоге? Может, недруги ваши какие? Завистники?

Она нахмурилась, пожевала губами, подумала – видно, в ее жизни хватало недругов, недоброжелателей, завистников. Мне показалось, что мысленно она перебрала их если не всех, то многих, потому что пауза затянулась. Наконец она выдавила – словно оказывала своим знакомцам и мне заодно одолжение:

– Дом поджечь никто из них не мог.

– А кто тогда мог? Вы-то сами на кого думаете?

– Известно кто! – ответила женщина с уверенностью. – Бичи местные. Забрались, напакостничали, украли, что смогли унести, а потом дом подпалили.

– Возможно, – кивнул я.

Возможно-то возможно, однако у местных бичей нет электрических фонариков.

И на машинах они не ездят...

Если, конечно, не ошиблась моя единственная свидетельница, пациентка психдиспансера Варвара Федоровна.

– Давайте пропуск, я подпишу.

Порядина выкатилась из кабинета, и я подумал – то единственная зацепка (и одновременно самая перспективная версия): что-то у нее на даче ценное все-таки хранилось. Или преступники думали, что хранится. Иначе они бы не

рыскали там среди ночи с фонариками. (А насчет рыскать, как и по поводу фонариков, я склонен был верить престарелой свидетельнице – пусть даже она страдает бредом реформаторства). Вот только хотелось мне для начала узнать – что искали. А потом: как узнали, что надо искать? И что это было? И кто это был?

Что ж, получается, что по поджогу в Травяном мне предстоит тягомотная, кропотливая работа: опрашивать знакомых, друзей, соседей. И первыми – отставного генерала Семена Сергеича и жену его Аглаю...

А пока... Пока я мысленно отложил дело о поджоге, постарался выбросить его из головы и переключиться на вчерашнее марьяжное ограбление в Люберцах.

Позвонил в токсикологическое отделение Института скорой и неотложной помощи. Лечащий врач гражданина Степанцова оказался на месте. Я представился и спросил, как дела у пациента.

– Состояние средней тяжести, но он пришел в себя, – доложил эскулап, что-то дожевывая.

– Я могу его допросить?

– Если только недолго...

– Недолго, недолго, закажите мне пропуск, через пару часов прибуду.

Преступление 1

Я пообедал в нашей столовой, обсудил по ходу с товарищами по работе шансы нашей ледовой дружины на начинающемся турнире «Известий» и заодно на зимних играх в Сараеве. По общему мнению получалось, что Фетисов со товарищи должны непременно взять реванш за досадное поражение на Олимпиаде в Лейк-Плэсиде и завоевать наконец в Югославии олимпийское «золото». Ну а уж на московском турнире – дома и стены помогают! – наши выигрывают, и к гадалке не ходи.

А после обеда и столь духоподъемных разговоров я выдвинулся по направлению к больнице.

Вышел из метро на «Колхозной»[З - Ныне - станция «Сухаревская».] и немного прогулялся. Шел крупный снег, осаждался на лице, и это было приятно - особенно потому, что после обеда меня стало клонить в сон, сказывалась бессонная ночь, и я мечтал, как сразу после допроса потерпевшего отправлюсь домой, проверю у дочки уроки и отобьюсь часиков в восемь, и просплю напролет пусть даже и полсуток...

...Гражданин Степанцов лежал на койке на спине изжелта-бледный. В палате, кроме него, помещалось еще пятеро бедолаг. Кто-то под капельницей, кто-то спал, кто-то давился мучительным кашлем с позывами к рвоте. В воздухе царил отвратительный кишечный запах.

Когда я представился отравленному доценту-кандидату, по его лицу разлились стыд и испуг. «Этот расскажет все до копейки, - понял я, - надо только подобрать к нему правильный подход. И действовать тут нужно методом не кнута, а пряника».

Я подвинул к кровати колченогий стул, достал бланки объяснений.

- Не волнуйтесь, Александр Степаныч, - мягко сказал я потерпевшему, - на службу вам никто ничего сообщать не будет. А там уж ваших рук дело: сами не станете много болтать, никто вообще ничего не узнает.

По его лицу, сперва настороженному, разлилось нечто похожее на умиление, и я понял, что тон с ним взял верный.

- Как ее звали? - участливо спросил я.

Пациент дернулся, как от удара током, и судорожно сглотнул.

- Кого... звали? - переспросил он, хотя все прекрасно расслышал и понял.

- Вашу обидчицу.

Он еще раз сглотнул и отвел взгляд.

- Валерия. Лера.

- Давно вы с ней знакомы?

- Где-то неделю.

«О, удивительно! – отметил я. – Обычно марьяжные воровки долго не церемонятся. А тут – целая неделя знакомства. Есть шанс, что он про преступницу может рассказать больше, чем бывает обычно в подобных случаях».

- Как вы с ней впервые повстречались?

- Зачем вам?

- Это очень важно, – ответил я непреклонно.

Потерпевший рассеянно улыбнулся.

- Интересная история в самом деле... Знаете, я в тот вечер возвращался домой из университета... Сел в машину – у меня «Жигули», четвертая модель, – а с ней что-то случилось... Рраз, заведется, полминуты поработает и глохнет. Ну, что делать... Я вышел, капот открыл... А, признаться, в устройстве автомобиля я пока не очень... Права только в прошлом году получил... Ну, тут останавливается рядом частник, за рулем – молодой парень. «Шеф, тебе помочь?» – спрашивает. «Почему бы нет, – говорю, – помоги, если время есть...» Покопался он в двигателе – и довольно быстро все наладил... Мотор заработал... «Спасибо», – ему говорю, и думал отблагодарить деньгами, а он – ни в какую. Ну я тогда их и пригласил в кафе, угостить...

- Кого – их?

- С ним девушка была...

- Та самая? – уточнил я.

- Да, - вздохнул он и зарделся. - Лера.

«Да, похоже, преступники действовали по наводке. Жертву пасли, да как тщательно! Чтобы войти в доверие, настоящую спецоперацию устроили, вроде внедрения агента в банду. Никогда не слышал, чтоб так сложно клофелинщицы работали... И ради чего преступники затеяли весь этот цирк? Чего уж там такого особенного в квартире Степанцовых было? Что за добыча необыкновенная? Ну, видюшник... Ну, шуба... А может, Маргарита не про все потери мне вчера рассказала? Было и еще что-то?»

Собственные догадки не мешали мне по ходу дела участливо расспрашивать потерпевшего:

- И что потом случилось?

- Ну, мы втроем пошли в кафешку, посидели там, выпили - то есть пила, конечно, она одна, а мы с парнем только кофе... Парень братом ее оказался - ну то есть так они сказали... - Пациент снова запунцовел. - У него, как выяснилось, были какие-то дела, он уехал, а мы еще посидели, и я на своей машине отвез девушку домой.

- К себе домой?

- Нет! - Доцента опять в краску бросило. - К ней.

- А вы к ней в квартиру поднимались?

- Нет! Чуть-чуть в машине посидели, - потерпевший продолжал смущаться.

Милое дело таких субъектов допрашивать: все мысли немедленно на лице отражаются. Не иначе как в тот вечер они с этой самой Лерой в его авто обжимались-целовались.

Доцент выдохнул:

- Потом мы обменялись телефонами.

- Вот как? И вы ее телефончик помните?

- Да, он у меня записан.

- И вы ей звонили?

- Да, но не туда попадал.

«Еще бы она тебе свой настоящий телефон оставила! Но все равно: надо номерочек на всякий случай пробить – вдруг девушка по недомыслию или со злости дала данные подружки».

Потерпевший тем временем продолжал:

- А потом она вдруг сама мне позвонила, предложила встретиться...

У меня аж руки зачесались действовать и настроение поднялось. Сколько ж зацепок преступники оставили! Внешность обоих: и «Леры», и «брата» (теперь понятно: в квартире в Люберцах они, скорее всего, орудовали вместе). Плюс – как выглядела машина: ведь на той же самой, благодаря которой состоялось знакомство, скорее всего, и вывезли вещи пострадавших. Вдобавок – место, куда гражданин Степанцов привез, провожая, в первый раз эту Леру. И телефончик ее. Вряд ли, конечно, она его прямо к собственному дому вывела, да и номер, понятно, неправильный дала... Однако давно замечено: если человек врет, то обязательно его вранье с правдой пересекается. И потом: почему бы ей не попросить его подбросить в тот район, где она и вправду проживает? Странно было бы, если хаза у них в Ясенево, а он ее провожать, допустим, в Лосинку повез...

Тем временем доцент разговорился – кому еще он мог о случившемся рассказать, да в подробностях: уж явно не жене и не товарищам по работе. А мне, выходит, удалось вызвать у него доверие. Его печальная повесть отличалась от сюжета стандартного разбоя только своим необычным началом. Дальнейшее развитие сюжета было хрестоматийным. Она позвонила, они встретились. Совместно распивали спиртные напитки в кафе «Закарпатские узоры», затем пострадавший предложил преступнице поехать к нему домой. Отправились на такси в Люберцы, дома у доцента продолжили распивать, потом он стал ее раздевать, и...

– ...Я потерял сознание, у меня ничего с ней не было, – закончил рассказ потерпевший.

– Я знаю, что не было, – кивнул я с мудрым видом профессора, специализирующегося по мочеполовым болезням.

И забросал пациента вопросами.

Первое: какие ценности имелись у них в квартире? Да, мне об этом уже доложила его супруга. Однако интересна и версия мужа: вдруг она что-то от меня скрыла? Или (и такое случается) приписала лишку?

Далее: машина, на которой разъезжали преступники. Марка, модель, цвет, номер?

Третье: как выглядели девушка и ее поделецник? Возраст, рост, вес, глаза, волосы? Сложение? Национальность (предположительно)? Одежда? Акцент? Особенности речи? Особые приметы?

Меня дважды заходил выгонять дежурный врач, да и несчастный доцент побледнел, и глазки у него слипались, но я все-таки выдавил из него все, или почти все, что хотел. И пообещал, что завтра к нему явится художник составлять с его слов портреты подозреваемых.

Доцент не назвал мне никаких новых ценностей, хранившихся дома, кроме тех, о которых уже упомянула его супруга. А если суммировать результат опроса потерпевшего относительно внешности подозреваемых, получилась премилая парочка верхом на автомобиле. Она, по имени предположительно Лера, – лет двадцати пяти, рост около ста шестидесяти пяти, худая, глаза темные. Славянской внешности, скорей всего, москвичка, говорит без акцента, образованная. На лице и теле никаких особых примет – татуировок, шрамов, больших родимых пятен – нет.

И с ней поделецник – которого, возможно, зовут Виктор: на вид лет тридцати, рост около ста восьмидесяти пяти, стройный, глаза голубые, волосы – темно-русые. Тоже славянин, москвич, образованный, без особых примет.

Одеты оба хорошо, даже, можно сказать, модно. Оба в фирменных джинсах, он – в дубленке, она – в полушубке из искусственного меха.

(«И еще лифчик на ней очень красивый был», – сказал доцент, проникшись ко мне доверием. Он пламенел, уже задремывал, пускал слюни и, кажется, даже сожалел в душе о том, что ничего у него с красоткой не получилось, и в итоге его семья понесла материальный ущерб совершенно напрасно.)

А вот еще факт: передвигаются преступники на автомобиле марки «Москвич-2141», на вид довольно новом, светло-серого или же светло-голубого цвета. («Я его только раз видел, и то уже когда стемнело... И номер совсем не помню, ни цифр, ни букв – только, это точно, он черный был»)[4 - Новые автомобильные номера – черные символы на белом фоне – стали внедряться в СССР в 1980 году. Машины, зарегистрированные в предыдущие годы, снабжались номерными знаками старого образца: белые буквы на черном фоне.]

А насчет адреса... Потерпевший привез в день знакомства преступницу к одному из дореволюционных доходных домов в центре Москвы, на улице Алексея Толстого[5 - Теперь – Спиридоновка.]. Возможно, именно в данном районе она проживала – и, скорее всего, делила кров и постель с подельником. Легенда о том, что они брат с сестрой, могла обмануть лишь такого наивного человека, как Александр Степанцов. Обычно «разбойницы на доверии» являются со своими компаньонами половыми партнерами.

В конце концов информация на каждый из объектов в отдельности (он, она, автомобиль) получилась вроде скудная, однако, если рассмотреть фактуру комплексно, выходило изрядно. Много ли по Москве колесит симпатичных молодых парочек на светло-серых (или светло-голубых) «Москвичах»? Вряд ли. Начнем хотя бы с того, что тридцатилетнему парню трудновато в наше время завладеть автомобилем на правах личной собственности. А девчонке лет двадцати пяти – тем более. Значит, машина либо угнанная, либо принадлежит или родителям или другому щедрому родственнику, либо служебная. Ну а если она вдруг своя – мы владельца вычислим в два счета, не так много в Москве молодых людей имеет собственное авто.

И, конечно, надо просмотреть картотеку. Не может быть, чтобы ограбление в Люберцах у парочки первое преступление. Уж очень ловко и слаженно они действуют.

Словом, пока я трясся на метро от «Колхозной» до своего «Конькова» (не садился, по обыкновению, а стоял, прислонившись к двери, прикрыв глаза), пищи для размышлений мне хватало.

* * *

Я осуществил свою мечту – выпался, аж с девяти вечера до семи утра, беспробудно, и поднялся самостоятельно, раньше будильника. И первая мысль была о деле. (Такая уж у меня дурацкая натура – если чем увлекусь, ни о чем другом думать не могу.) Точнее, я стал думать сразу о двух делах. И об ограблении в Люберцах, и о поджоге в Травянном. Все мне казалось: что-то эти дела, совсем вроде разные, да связывает.

А потом вспомнил: голова я садовая, вот что значит ночь не спать, а после сразу допрашивать потерпевшую. Как же я упустил, не заметил, не придал значения! Я открыл блокнот – и точно: потерпевшая Степанцова из Люберец работает в универмаге «Московский», заведует обувной секцией. А погорелица Порядина – внимание! – начальник отдела меховых изделий в универмаге «Столица».

Обе торгашки!

Это могло быть, конечно, простым совпадением.

А могло и не быть.

Первой я позвонил Степанцовой – сразу же, как приехал в управление. И – угадал.

Пострадавшая сообщила мне, что вплоть до своего назначения в новый универмаг «Московский» работала в «Столице», в обувном отделе. И гражданку Порядину из «мехов» она знает: «Нет, мы не то что подруги, но виделись, конечно, на собраниях и здоровались, даже, может, поговорили пару раз...»

В голосе сексапильной Маргариты Сергеевны, когда я поинтересовался Порядиной, прозвучал испуг, и она не удержалась от встречного вопроса:

– А почему вы про нее меня спрашиваете?

Тон был весьма напряженный.

– К вашему делу это не относится, – отвечал я сухо.

И впрямь: пока никаких оснований объединить два дела у меня не было. Однако я нисколько не сомневался, что после моего звонка Степанцова разовьет бурную активность – она, как я заметил, бабонька деятельная (впрочем, как и все торгаши). Она или сама выйдет на Порядину (в зависимости от их взаимоотношений), или наведет справки через своих коллег (а работники прилавка, по сути, одна семья – как, впрочем, и милиционеры). И, конечно, попытается узнать, что с зав. меховой секцией «Столицы» стряслось и почему ею интересуются органы (в моем лице). И, конечно, Маргарита Сергеевна легко узнает о поджоге. И тогда либо она сама, либо Порядина (а может, они вместе) до чего-то додумаются. Например, кто мог быть в обоих случаях наводчиком.

А вообще – удивительно! Преступные элементы обычно не меняют специализацию. И это для знающего человека звучит столь же неожиданно и непривычно, как, к примеру, переход Фетисова – Крутова – Ларионова из хоккея с шайбой в хоккей с мячом... А может, исполнители были разными – а наводчик, знакомый с обеими потерпевшими, – один?

Как бы то ни было, у меня появилась ниточка.

Однако следствие вдруг приняло совсем другой оборот.

Точнее – появилось новое дело, преступление З.

Наши дни

Иван Гурьев, беллетрист

От рукописи майора Аристова (я читал ее с экрана ноутбука) меня отвлекли сумерки, вечерняя прохлада и комары. Это хорошо характеризует текст – когда ты готов читать его и дальше, да тебе мешают внешние обстоятельства. Да,

мемуары пока казались неплохими. Только бы не сдулся майор к концовке.

Очень трудно судить детектив по одному лишь его началу. Это все равно как определять ходовые качества машины, исходя из дизайна кабины. Однако в «салоне», что создал майор, мне было уютно. С подлежащими и сказуемыми автор – как его там, Аристов – обращаться умел. Посмотрим, куда его кибитка доскачет.

Я вернулся в дом, бросив шезлонг под сосной. Дождя вроде бы не обещали.

Уже смеркалось, оставалось поужинать, посмотреть в одиночку вечернее кино – и баиньки.

А ночью, ближе к рассвету, мне вдруг снова приснилась ОНА. Наташа вообще мне снилась чрезвычайно редко. А уж в подобных сновидениях являлась и вовсе считанные разы за всю жизнь.

Поначалу сон вовсе не предвещал ничего романтического. Начался он более чем прозаически.

Итак, я приехал куда-то на встречу с читателями. Не понял только, куда. Кажется, то был не книжный магазин (в которых нынче чаще всего происходит слияние писателя и народа), а учреждение, похожее на большую – областную как минимум – библиотеку навроде тех, где я выступал в Екатеринбурге и Ростове. Встречала и сопровождала меня, как водится, целая свита – конечно, одни женщины. Кто еще работает нынче в библиотеках! Как видите, сон до сих пор ничуть не отклонялся от реальности. Странности начались позже.

Свита из тетенок вдруг покинула меня со словами: «До встречи еще полчаса, вы можете пока отдохнуть». И указали мне на кресло, что стояло посреди довольно большого и пустого помещения. Кресло было, что странно, сродни зубо-врачебному: высокое и почти лежащее.

Библиотекарши вышли, оставив меня совершенно одного. И в некотором недоумении. И еще – в предвкушении. Я отчего-то понимал, что сейчас случится что-то хорошее. Но это хорошее я никак не связывал ни с Наташей, ни с

женщинами вообще.

Я в растерянности (и в ожидании) присел на уголок странного кресла.

И вдруг откуда-то – кажется, из той же двери, в которую вышла свита, – появилась девушка. Она была молода и мне незнакома. Но, вот странность – она оказалась обнажена до пояса. Грудь у нее была юная и красивая. И у меня вдруг возникло ощущение, что ее (грудь, а не девушку – она, повторяюсь, мне была совершенно не известна!) я уже видел...

Однако при виде «обнаженки» у меня не возникло никакого (как это обычно бывает в снах) возбуждения. Я с прохладным равнодушием смотрел на прелести девушки – будто находился где-нибудь в парижском кабаре «Лидо» или «Мулен Руж», где нагота и вожделение довольно далеко разведены друг от друга.

Девушка преспокойно, словно выполняя скучную обязанность, дефилирует к моему креслу и знаком показывает мне, что надо встать. Я привстаю, и тогда она стелет поверх его кожаной поверхности простыню. Затем, опять же жестом, приказывает мне лечь в кресло. Я и тогда не испытал ни малейшего возбуждения, только любопытство: что происходит и что за сим последует. Красотка абсолютно безучастно стаскивает с себя юбку и трусы. Затем садится на меня сверху – причем спиной ко мне. Повинуясь инстинкту, я приподнимаюсь и обхватываю ее руками.

И тут я узнаю ее! Это – она, Наташа! Я не вижу ее лица – она, напоминая, сидит спиной ко мне, – но этот изгиб ее талии! И бедер! Все так знакомо! Мучительно знакомо! Да, это она, с молодым, упругим, прохладным телом! И когда я наконец осознаю, что это Наташа, я испытываю сильнейшее возбуждение и немедленно проникаю в нее (что странно, потому что я по-прежнему одет), и тут... И тут я просыпаюсь, с колотящимся сердцем, так и не испытав блаженного облегчения, а главное – так и не увидав лица девушки и не поняв, ОНА это была или нет, или просто незнакомка позаимствовала ЕЕ грудь, бедра и талию, которые я, оказывается, помню до сих пор...

...За окном три часа утра, уже рассвет и поют птицы... Я мог бы истолковать сей сон по Фрейдю или по соннику, но какой в этом смысл! Главное: он ведь абсолютно несбыточен! Даже если Наташа жива и здорова – сейчас ей уже около пятидесяти. Она старше меня года на два. Нету на свете той девочки, в которую

я был так влюблен почти тридцать лет назад. Кожа ее потеряла упругость, а формы обвисли...

И все равно мне кажется: если я вдруг повстречаю ее, то влюблюсь снова...

А может, напротив, до смерти разочаруюсь. И это, наверное, будет самым ужасным: я лишусь последнего утешения.

Однако в любом случае Наталья стала другой. Я с горечью увижу на ее лице и теле признаки увядания. (А она будет отыскивать их во мне!) И разочарования все равно не миновать...

Хотя сознаюсь: с тех пор, как появились социальные сети, я пытался через Интернет найти Наташу Рыжову. Я забивал ее имя-фамилию в поисковики. Никакого результата.

Вдобавок: кто только не заходил на мою страничку – я не скрывал своего настоящего имени. Явились едва ли не все одноклассники и институтские друзья, а также множество любопытствующего народу, о ком я знать ничего не знаю...

В конце концов, человек я достаточно известный. И если ОНА жива и я ей хоть сколько-нибудь интересен – сама бы меня отыскала.

Значит, думаю я, Наталье моя персона в любом качестве совершенно не нужна. Я успокаиваюсь и занимаюсь своими делами...

Но куда, спрашивается, девать воспоминания, которые порой наваливаются на меня вот в такие рассветные одинокие часы?..

1981, июнь – июль

Иван Гурьев, студент

и начинающий поэт и прозаик

Не было – как выясняется сейчас, постфактум, – в моей жизни столь счастливых дней, как та суббота с воскресеньем в конце июня восемьдесят первого. К сожалению, – как всегда бывает со счастливыми днями, часами, минутами – я понял это только много позже. А тогда мне казалось, что вся моя жизнь будет такой.

Дурацкое свойство счастья! Когда оно есть, считаешь его естественным, как дыхание. И только гораздо позже соображаешь, насколько тебе было хорошо в тот момент. И его уже не вернуть. Остается только вспоминать...

...Вечером в воскресенье (последовавшее за той субботой) ОНА запретила себя провожать. Только разве что от моей квартиры до метро:

– Зачем, дорогой, ну зачем тебе тащиться вместе со мной? Отдыхай!..

И я, идиот, согласился. Я и впрямь был тогда истомлен нашей любовью. Я мечтал рухнуть на тахту и уснуть.

Почему же я ее не проводил? Мы б еще хотя бы три часа провели вместе. Перед грядущей разлукой длиною, как оказалось, в целую вечность – это весьма существенный бонус.

И я последний раз поцеловал ее, в метро (куда уже валили с электрички дачники с сумками и цветами). Она опустила в автомат пятак, прошла контроль, обернулась и помахала мне рукой.

Наталья ехала к своей толстой Наде на Тимирязевскую за вещами. («Здорово я в итоге у нее погостила!.. Лишь бы она маме моей ничего не рассказала!..») Затем Наташа отправится домой на своей электричке ленинградского направления. Я не волновался за нее. Я и думать не думал (как и все советские люди), что путешествие вечерним электропоездом может быть опасным.

И вот мы простились на станции, и я побрел домой, к своим унылым девятиэтажкам, которые тогда казались образцовым, почти шикарным жильем. Я чувствовал полное довольство собой. И опустошение. И счастье.

Я не вспоминал в тот момент о ней. Мне хватало собственных ощущений.

Я даже не задумывался тогда, как мало я о ней знаю. Она не рассказывала, а я, дурак, не интересовался. Секс с загадочной незнакомкой, подумать только! Я почти гордился этим. В голову почему-то лез рассказ Бунина «Легкое дыхание». Я даже готов был – вот дурак! – ограничиться одной этой встречей, настолько я был переполнен и удовлетворен ею.

И все, что я ведал о Наташе, было самым общим: живет в Подмосковье. Вуз закончила в этом году. Работает в НИИ. Ни адреса ее не знал, ни телефона. Домашнего, она сказала, не было. (Похоже на правду – за Кольцевой и нынче, тридцать лет спустя, с телефонизацией напряженка. Недавно я был на местном телефонном узле, соседка сказала, что в очереди числится уже тридцать восемь лет.)

– Дай тогда мне свой рабочий телефон, – попросил я Наталью.

– Без толку. Все равно меня не подзовут. Не положено.

Я немного поприкалывался, спрашивал, где же она трудится: в КГБ?.. надзирательницей в женской тюрьме?.. в секретном бункере?

Я помню, как она сидела, завернувшись в простыню, на широкой тахте в спальне моих родителей и в ответ на мои шуточки хохотала... Когда это было? Утром, днем, ночью? А может, уже потихоньку опускался новый вечер? воскресный?..

Сутки – а точнее, около двадцати шести часов счастья, с того момента, как мы встретились у Пушкина и отправились в «Ленком», и до нашего расставания в метро «Ждановская» слились в моей памяти в один сверкающий, переливающийся всеми цветами радуги шар... И спаялись воедино воспоминания о нашей первой ночи – семнадцать часов разговоров, ласк и сна урывками...

У меня был крошечный сексуальный опыт. Ночь с Натальей оказалась первой ночью с девушкой, которую я действительно любил.

Я никогда не чурался в своих детективах постельных сцен. Даже, честно скажу, описывал их с удовольствием. Мне и самому, признаться, нравится все телесное. И читатели клубничку любят. Даже женщины. Даже те, кто сетует потом: фу, как пошло, как грубо!..

Но о том, как у нас было с Наташей, я вам не расскажу. Это слишком личное. Слишком родное. Слишком интимное.

Скажу только, что она оказалась, к моему безмерному удивлению, девушкой. Мне ведь, молодому идиоту, перед той ночью мнилось – я даже слегка опасался...

Тревога или страх всегда присутствуют, даже в счастье...

Даже в любви...

Как и слезы...

Так вот, мне представлялось: раз она такая общительная, открытая, раз столь быстро согласилась поехать ко мне домой и сразу я смог залучить ее в койку, то она – опытная, а может, даже и распутная женщина. Но нет: она оказалась девушкой! И это было странно. Даже по тем, чуть более сдержанным временам: все-таки она окончила институт, значит, и лет ей как минимум было двадцать один – двадцать два. И я... Я в ту ночь не смог сделать ее женщиной. Я пожалел ее. Зачем? Дурак, для кого?

Но мы постарались подарить друг другу счастье. У нее получалось. Неумело, но получалось. А у меня – не знаю.

И еще – я ей в ту ночь, тогда, сказал все. Все главные слова, которые я говорил только ей. И которые потом не повторял ни разу. Ни одно из них. Никому. Ни единой женщине на свете.

Я сказал ей:

«Я люблю тебя».

И еще:

«Выходи за меня замуж».

И даже:

«Я хочу от тебя ребенка».

Пусть это звучало смешно, пусть я выглядел, возможно, в ее глазах лжецом (или идиотом), или тем и другим вместе, но я и вправду любил ее, и хотел жениться на ней, и хотел от нее ребеночка.

И не считал нужным это скрывать.

Сначала она просто смеялась в ответ на мои признания, а потом, уже на излете наших двадцати шести часов, прошептала-прошелестела еле-еле слышно, в самое мое ухо: «Я тоже люблю тебя, Ванечка...»

И этот миг я храню в своей памяти, как один из самых дорогих на свете.

Мы договорились, что она позвонит мне в понедельник после своей работы. И мы условимся, что вечером во вторник куда-нибудь сходим. К примеру, в кино.

Но она в понедельник не позвонила.

Я протомился у телефона до десяти вечера. Мои родители вернулись в воскресенье с дачи. Вышли на работу, и я перестал быть полновластным хозяином квартиры.

В десять вечера в понедельник, отчаявшись ждать, я поехал к школьным друзьям в Люберцы. Строго-настрога наказал маме: если вдруг позвонит девушка – дать ей номер моего люберецкого приятеля. Но – никаких звонков.

Во вторник я вернулся домой часа в четыре дня, опухший от полуночного преферанса и портвейна.

И опять: весь вечер ожидал ЕЕ звонка. И опять – ничего.

Можно было сойти с ума от фантазий и предположений.

С ней могло случиться несчастье: «Когда состав на скользком склоне от рельс колеса оторвал...» (Тогда ведь никто не сообщал о бедствиях и катастрофах. А если бывали слухи, то они, даже по Москве, доходили на вторые-третьи сутки.)

Она могла заболеть.

У нее могли случиться какие-то проблемы дома.

Она, наконец, могла (и такие мысли у меня появлялись) врать мне, что любит, врать, что – девушка, а на самом деле быть прожженной хищницей и сердцеедкой. И она просто использовала меня – легкое, коварное приключение! – и бросила...

Какие только мысли не лезли в голову...

У меня не оставалось другого выхода, кроме как в среду вечером поехать в ДК имени М. Горького. Я помнил: по средам у нее там в хоре репетиции. Мне казалось, это верный шанс с нею увидеться.

Я приехал за полчаса до начала. Никого, разумеется, в репетиционке еще не было.

Я наблюдал, как в зал стягиваются хористки. Они обдавали меня, стоящего у дверей, любопытствующими взорами.

Сердце мое стучало. Я мечтал вновь ЕЕ увидеть.

Натали не было. И подруги ее, Надежды, тоже.

За три минуты до начала, когда уже проследовал в зал дирижер, толстененькая Надя наконец прибежала. Глянула на меня со смесью любопытства, зависти, ревности. (Наверное, Наташа, как это свойственно подружкам, многие свои тайны своей наперснице – раз они увиделись вечером в воскресенье – успела

поведать.)

- Привет! - остановилась Надя. - Встречаешь?

- Она тебе не звонила?

- Нет, а что?

- Где она?

- Не знаю.

- Будет на репетиции?

- Понятия не имею.

- А ты не знаешь ее телефон? Хотя бы рабочий? Хоть какой?

- А что - она исчезла? Не звонит?

- Да, хотя мы договаривались.

- Кто ж знает, может, и приболела... А может, - укусила меня подружка, - кем-то другим увлеклась... Да ты подожди, Наташа придет... Ох, мне пора, я побежала!

- Постой! Где она живет?

- А что, если не придет, ты к ней домой поедешь?

- Поеду!

- Охота пуще неволи...

- Так где?

- Адреса я не знаю.

- Н-да? - глянул я исподлобья, недоверчиво.

- Честное пионерское.

- Никогда не поверю.

- А что ты хочешь? Я с ней всего три месяца знакома. Встречались на репетиции, она пару раз мне домой звонила, и все.

- В каком хоть городе она живет?

- Я не помню.

- Пожалуйста, Надя!

- Что, помчишься к ней? Сейчас, на ночь глядя?

- И помчусь!

- Ох, ладно, ты слышишь: репетиция началась. Я побежала.

- Надя!

Я схватил ее за плечи и хорошенько потряхнул.

- Ну, ладно, ладно, отцепись... В З*** она живет, доволен?

Она вырвалась и убежала.

...Никуда я, разумеется, в тот вечер не поехал. Где бы я искал ЕЕ на ночь глядя в довольно большом подмосковном городе З***, зная одно лишь имя?

Не поехал я к ней и назавтра. У меня ведь тоже была своя жизнь. И свои планы. И свой цейтнот.

Я уезжал в Сибирь. Красноярский край, Хакасия, город Абакан.

В стройотряд.

Вылет был запланирован на воскресенье.

В четверг с утра я отправился в общагу к командиру нашего линейного отряда Юрке Кашину.

Сейчас Юрка – виднейший чиновник в нашей отрасли. После вуза он сделал комсомольскую карьеру, в конце восьмидесятых пошел в бизнес, затем, в нулевые, пополнил стройные ряды бюрократов. Словом, совершил прорыв вверх, классический для нашего времени: комсомол – бизнес – чиновничество.

Не знаю, помнит ли он меня сейчас. Я его помню до сих пор. Уже тогда Кашин был харизматичной личностью.

Со мной Юрка ни разу с тех пор позывов встретиться не проявлял. Занятой человек. Да и зачем я ему?

Я к Юрке тоже не стучался. Подумает еще, что мне чего-то от него надо. Хватит и того, что мои друзья, бывшие однокурсники, вечно выпрашивали у меня: подпиши свою книжку Юрке, чтоб через нашу общую студенческую и стройотрядную юность к нему поближе подобраться.

Уже тогда, в восемьдесят первом, мой командир был умным и хватким парнем. И видно было, что он далеко пойдет. Правда, тогда я воображал, что его потолок – главный инженер провинциального завода. Крупного, но заштатного. Выходит, я его недооценивал.

Кашин был на два года меня старше – и учился двумя курсами младше. Он отслужил армию, потом прошел через подготовительное отделение вуза...

Они почти все были такими, бывшие служивые: хваткими и ловкими. Знали, чего хотят от жизни – не то, что мы, домашние лопухи.

А тогда мы с Кашиным во второй раз должны были работать вместе. Прошлым летом, в Олимпиаду, мы трудились в стройотряде на Смоленщине, в одной бригаде. Мне нравились Юркин своеобразный юмор и умение справедливо распоряжаться.

В этот раз его назначили командиром, а он настоял перед руководством стройотряда, и у меня выпросил, чтобы я у него стал комиссаром.

Сейчас даже странно слышать и писать: я – был комиссаром. Так и ждешь вопроса: а сколько вам лет, дедушка? Вы в Великую Отечественную воевали или в Гражданскую? А многие – даже и Сашенька – могут спросить: а комиссар – это вообще кто?

В то время в стройотрядах комиссары не поднимали бойцов в атаку. И идеологических бесед уже не вели. Они были главными массовиками-затейниками, так бы я определил. На них висели самодеятельность, конкурсы, стенгазеты, боевые листки, КВНы, спартакиады...

Комиссар линейного отряда – самая, наверное, собачья должность в тогдашних стройотрядах, оцениваю я сейчас. Он ведь не был освобожденным. Он пахал наравне со всеми. А после трудовой вахты придумывал скетчи и репетировал песни. Поэтому работенка у него была веселая во всех смыслах этого слова.

И, ясное дело, Юрка на меня рассчитывал. Он был самолюбивым парнем. Он хотел, чтобы его линейный не только в производственных достижениях всех перекрывал, но и в смотрах художественной самодеятельности. Для него я являлся ценным кадром. Кто б еще трудился так самозабвенно (думаю я сейчас). И так умело.

Юрку я застал в его комнате в общежитии. Одного. Его соседи разъехались на каникулы. Он, сдав сессию, ожидал отправки в Сибирь.

Кашин сидел по-турецки на койке, босой, в выцветших трениках, голый по пояс. Полуденное солнце золотило его жилистое тело.

Юрка читал «The Catcher in the Rye» на языке Сэлинджера. В руке – карандаш. Рядом на койке – англо-русский словарь.

С английским у командира была беда. Зачеты с пятого раза сдавал. Какой умник посоветовал ему штудировать неадаптированное «Над пропастью во ржи», я не знаю. Но он упорно продвигался все дальше: книжечка была раскрыта уже на середине.

Я не разделял его упорной тяги к английскому. Язык нам, будущим инженерам, был нужен для того, чтобы переводить технические тексты. Или, не дай бог, доведется допрашивать военнопленных. Тогда, в начале восьмидесятых, я, честно говоря, сомневался увижу ли хоть раз в жизни живого англичанина или американца. Не говоря уж – стану ли о чем-то беседовать с ним.

Юрка моему приходу обрадовался. Каким бы ты самолюбивым и целеустремленным ни был, вряд ли сладко заниматься английским в летний полдень, когда только что сдана сессия.

– О, какие люди! Привет, Иван Сергеич!

– Привет, Юрий Семеныч!

Называть друг друга по имени-отчеству – такая у нас была тогда фенька. (Или слово «фенька» стали употреблять чуть позже – не в начале, а в конце восьмидесятых? Не упомяну...Ну, тогда можно написать универсально, стерто: не «фенька», а «манера»...) Такая, значит, у нас была манера: величать друг друга по отчеству. Звучало сие, конечно, странно: двадцатилетние кличут друг друга словно старые деды. Но мы чувствовали себя взрослыми.

А может, мы и были уже тогда взрослыми.

– Чему обязан вашим визитом, Иван Сергеич?

Юрка был скуп на слова. Я невольно подделывался под его манеру.

– Надо побалакать.

Командир кивнул и накинул на голые плечи рубашку. Встречать гостя голяком, а тем более – разговаривать, неприлично: провинциальная приятная уважительность.

– Чайку?

– Не откажусь.

Юрка взял изрядно помятый тусклый чайник, сунул ноги в тапочки и пошлепал на кухню. Кухни были по концам коридора, две на этаж.

Пока его не было, я заглянул в Сэлинджера. Страницы были испещрены карандашными пометками. В каждом предложении он не знал по два-три слова и мельчайшим почерком рядом писал перевод.

Упорный парень.

Потом мы гоняли чай из граненых стаканов. Чай был таким крепким, что по цвету напоминал портвейн. Юрка ел вишневое варенье, намазав его толстым слоем на хлебный ломоть. Я от варенья отказался. У меня были дома шоколадные конфеты.

– Я вот о чем, – приступил я наконец к делу.

Командир кивнул.

– Говори.

– Что мне будет, если я в отряд не поеду?

Юрка глянул остро:

– По какой причине?

– По семейным обстоятельствам.

Кажется, я покраснел.

Мой товарищ невозмутимо кивнул и продолжал пить чай.

Потом вдруг спросил:

- Девушка?

Тут уж я точно покраснел.

- Как вы догадались, мистер Холмс! – воскликнул я, пытаюсь развязностью замаскировать смущение.

- It's elementary, Mr.Watson, – с чудовищным акцентом промолвил сотрапезник.

- But how?

- Ты ведь у нас романтик, – сказал Юрка, переходя на наречие первой в мире страны социализма.

Его утверждение, что я – романтик, прозвучало из его уст, как мне показалось, даже с оттенком зависти.

Вдруг он спросил:

- Что, не пускает?

- Кто? – смешался я.

- Ну, она.

- Да нет... – протянул я.

ОНА ведь даже не знала, что я куда-то уезжаю. Да и вообще – ОНА сама исчезла. Неизвестно куда и, может быть, навеки.

Я казался сам себе очень странным. Особенно – если посмотреть на меня посторонними, непредвзятыми, невлюбленными глазами. Глазами Юрки, например. Что бы я мог ему рассказать?

Я знаком с герлой всего одну неделю. Провел с ней лишь ночь – и уже готов порушить все свои планы. Пустить под откос собственные каникулы. Подвести товарищей. Наконец, отказаться от огромного заработка...

– Значит, сам прикипел, – заметил командир. В его тоне еле слышно прозвучала нотка сожаления.

Потом он перевел разговор на другую тему.

И только под конец чаепития сказал:

– Я тебя, если надо, прикрою. Скажу, что в твоей семье заболел кто-то, и по-серьезному. Мама, например. Билет твой сдадим, не проблема. Ничего тебе не будет. Колхоз – дело добровольное.

В итоге мы договорились, что я еще подумаю до завтра. Время пока терпит. Утром сам позвоню Юрке в общагу.

Кашин среди вахтеров общежития пользовался авторитетом. Они даже ходили за ним в его комнату подзывать к телефону.

Оттого, что мой товарищ не сделал мне ни упрека – хотя по всему было видно, что ему мой отказ неприятен, ведь я ломал его планы, – меня как-то покорежило.

И еще: там, в Хакасии, меня ждали другие друзья. И девушки в отряде тоже ожидались. В малом количестве, но все же. (В их числе повариха Элина, которая была ко мне неравнодушна).

Вдобавок стройотряд – большие деньги. Для студента вообще заоблачные. (За то лето я получу – скажу, забегаю вперед – аж девятьсот пятьдесят рублей. В ценах восьмидесятых – это целое состояние).

А кроме того, работа позволит мне забыть. К тому же: какого черта! Чтобы я ради какой-то герлы ломал все свои планы?! А она к тому же мне не звонит?

Я загадал: если она проявится до следующего утра – звоню Юрке и говорю, что не еду.

Она так и не позвонила.

Наши дни

Иван Гурьев

Бродить одному без сна по пустому рассветному дому – это теперь называется жизнь удалась?

июль – август 1981,

Иван Гурьев

Сейчас даже само слово «стройотряд» забывается. Последним могикинам ССО глубоко за сорок. Выросло два поколения, для которых оно пустой звук.

Больше всего стройотряд напоминал армию. Дисциплина, единоначалие, скромный коллективный быт... Правда – никакой дедовщины (которая уже тогда махрово расцветала в казармах и кубриках советской, блин, армии). Плюс – друзья и самодеятельные развлечения. Плюс – тяжелый труд и большие деньги.

Жили мы в палатках. Огромные армейские брезентухи, водруженные на постаменты из грубо сколоченных неструганых досок. В одну палатку влезало около двадцати кроватей, столько же тумбочек и человек.

Климат в Хакасии, как известно, резко континентальный. Ночью – холодрыга. Я на ночь укрывался не только двумя одеялами, но и лишним матрацем. И порой надевал перед сном ушанку.

А утром – подъем под бодрый репродуктор, умыванье на улице ледяной водой, построение, разъезд на работу. Одно отличие от армии: радиоточка над лагерем исполняла по утрам не советские марши, а «битлов», «Дип Пёрпл» и модный в те годы ансамбль «Эрапшен»:

One way ticket,

One way ticket,

To the blues.

Мы строили в Абакане троллейбусную линию. Первую в Хакасии. Не знаю, как другие, а я сим фактом гордился: «Через четыре года здесь будет город-сад...» Я вообще тогда был романтиком (как справедливо заметил Юрка).

Сейчас уже стерлись, конечно, воспоминания о том, как было тяжело, потно, жарко. Под палящим солнцем мы рыли по обочинам проспекта Щетинкина (имя не запомнилось) канавы для электрического кабеля. Рубили отбойниками дыры в бетонных «стаканах» – в эти стаканы поставят троллейбусные столбы. Рабочий день наш продолжался часов десять-двенадцать. По утрам – в результате воздействия лопат и отбойников – пальцы рук, в буквальном смысле, не разгибались. Потом понемножечку расходились, чтобы назавтра после сна быть сведенными судорогой...

А по вечерам мы репетировали, давали концерты, состязались в острословии и прочих талантах.

Еще один эпизод – из того далекого стройотрядного прошлого. Он засел в памяти, и я расскажу его – оттого, что история – типичная. Ох, как точно она то время характеризует – и нас, дураков.

Итак, однажды на наш отряд снизошла манна небесная. Нам на двадцать человек выделили пять ветровок. Пять дурно сшитых брезентух... Но тогда ветровка – о, это было богатство!.. В ней можно ходить в походы, ездить на рыбалку, да и по городу прогуляться не зазорно... Такие одежды нигде не

продавались. Такие – только распределялись. Среди строителей БАМа. И Самотлора. И Саяно-Шушенской ГЭС.

И вот – одновременно с упоением обладания – коллизия. Вопрос: как разделить всего лишь пять подарков судьбы между аж двадцатью бойцами?

Решили, в духе коммунизма, тянуть жребий.

Весь линейный, два десятка парней, собрался в штабном вагончике. Побросали бумажки с именами в чью-то каску... Стали тянуть. Одним из первых полез за жребием я. Развернул – пусто. Ничего! А я был почему-то уверен, что выиграю. Что какая-то высшая сила увидит мои старания и позаботится обо мне...

Ан, нет: фигушки. И мне вдруг так обидно стало: я для них!.. Ночами сижу, сценки придумываю, репетирую!.. А тут – какая-то поганая брезентуха, и та мимо пролетела!.. Я вскочил и в сердцах выбежал из вагончика. И даже дурацкие слезы вылезли на глаза!

Ночь, холод, крупные звезды. Шелестят тихонько яблони (лагерь разбили в старом саду). И так мне обидно – сил нет!.. И впрямь чуть не плачу.

Но тут вышел из вагончика Юрка. Обнял за плечи. «Слушай, – говорит, – тут парни решили одну брезентуху тебе отдать. Ты все ж таки комиссар. Так будет справедливо».

– Не надо мне ничего! Никаких поблажек!

...Но куртку я все-таки взял...

А вот еще. Я решил приударить за поварихой Элиной. Она мне не шибко нравилась. Толстоватая и какая-то корявенькая. Но она смотрела на меня на кухонной раздаче вроде бы влюбленными глазами... И кусочки получше подкладывала... А от НЕЕ, Наташки, моей вечной любви, все не было никаких известий...

Юношескую неумность не убивали даже тяжелая работа и недосып...

Я пригласил Элину погулять втихаря после отбоя.

Мы удалились в глубь сада, сели на поваленное бревно. Я обнял ее за плечи. Попытался поцеловать. Конечно, она не позволила. Девушки, они ведь тонко чувствуют, у кого с ними всерьез, а кто – просто время проводит, тела добивается...

А я, разумеется, думал о Наташе. Физический труд, друзья и зубоскальство, конечно, помогали не вспоминать о любви каждую минуту. Но все равно порой накрывало. Я вспоминал ее и все думал: почему молчит? Наверное, с ней что-то случилось?.. А может, она сердцеедка – охотница за мужскими сердцами?.. Хотя какая, к черту, охотница! Девушка ведь!.. А может, я ее в ту нашу единственную ночь разочаровал настолько, что она решила расстаться со мной навеки?..

Связь с Москвой, с Большой землей была в стройотряде в основном эпистолярная. О, это предвкушение свежей почты!.. И – вдруг?! – ЕЕ письма... Но мне писали лишь мама с папой, да бабушка, да (очень редко) друзья, разъехавшиеся по другим стройкам. Не Наташа. Да и как моя возлюбленная могла корреспондировать мне? Она даже адреса не знала. Не знала, где я...

А еще в столицу можно было позвонить. В штабном вагончике имелся телефон – единственный на весь лагерь. И если ты не на работе, а в штабе нет совещаловки и телефон не занят коллегой, тоже охочим до вестей из дома, – пожалуйста, названивай. Надо только записаться в специальный журнал – и потом счет за междугородный разговор вычтут из твоего заработка. И еще – учесть разницу во времени: ведь если накручивать номер вечером после смены – в Москве будет часа три-четыре дня, родители на работе. Хорошо, если на месте сидят. А если вышли куда? Пока их позовут, отыщут – разговор влетит в копейку. Да, после работы в вагончике штаб вечно заседает: наряды закрывает, деньги делит, лодырей воспитывает...

Поэтому впервые я сподобился связаться с Москвой только через две недели после того, как мы высадились в Абакане. В субботу, когда вернулись после трудовой вахты в лагерь (в начале уик-энда мы тоже трудились – правда, слава богу, только до обеда). Наконец-то нормальное время – в Хакасии три дня, в столице, стало быть, одиннадцать утра. Родные только проснулись, завтракают. И штаб не заседает, и рядом с телефоном никого.

Мама мне ужасно обрадовалась. Расспросила о моем житье-бытье: не простыл ли, не тяжело ли, хорошо ли кормят. Потом рассказала о семейных новостях: папе наконец-то дали подполковника, сестренка – у бабушки, на даче пошла клубника... И вдруг спохватилась:

– Да!.. Чуть не забыла! Тебе звонила какая-то девушка. Незнакомая, но очень настойчивая.

Сердце у меня забилось. Мне, в принципе, могла позвонить только одна неизвестная девушка.

– Да?! – воскликнул я. – Кто? Что сказала?

– Зовут Наташей. Выспрашивала про тебя. Я дала ей твой абаканский адрес. Она сказала, что обязательно напишет.

– А сама? Свой адрес она не оставила?

– Нет, Ванечка. Хоть я и спрашивала. Ни адрес свой не дала, ни телефон.

– Жалко.

– Но, по-моему, она тебе напишет. Я так поняла, – значительно проговорила мама и перевела разговор на другую тему.

Надо отдать маме должное – въедливо интересовавшаяся моей учебой и друзьями, она никогда не выпытывала у меня ничего про дела сердечные.

И с того дня я начал с новой силой ждать письма от НЕЕ.

Однако так и не дождался.

А уже в самом конце августа, когда вернулся в Москву, и успел побывать-поскучать на родительской даче и вернулся в столицу, и собирался идти пить пиво с однокурсниками, которые тоже наконец-то возвратились в Белокаменную, – вдруг позвонила ОНА.

Голос ее звучал тускло и как-то безжизненно. В первый момент я ее даже не узнал. Ни следов веселья и искристости, которые я запомнил и которые мне так полюбились. Но все равно дыхание перехватило, и от одного тембра ее голоса по всему телу разлилась сладкая истома – предвестница и неизбежная спутница любви.

– Ты где? – настойчиво спросил я. – Я хочу тебя видеть!

– Прямо сейчас? – кокетливо осведомилась она, и в этой кокетливой реплике впервые, слабой тенью, проглянула моя любимая.

– Да, прямо сейчас! А то ты опять сбежишь от меня!

Она засмеялась, но смех ее был невесел.

– Еще неизвестно, кто от кого сбежал. Удрал от меня аж в Сибирь. Декабрист!

– Почему же ты мне так и не написала?!

– Давай поговорим об этом позже. При встрече.

Я немедленно дал отбой всем однокурсникам, безо всяких даже объяснений. Они поворчали, конечно: нас на бабу променял! (А какое еще обстоятельство может заставить студента отказаться от пива с друзьями!) Однако – они поняли. И даже на квартиру пустую мою не претендовали.

И я помчался к Пушкину. Как видите, особым разнообразием в выборе места встречи я не отличался. Вот только роз купил. Огромный букет мелких подмосковных роз. Тогда других-то и не было.

И вот – Наташа. Идет от выхода из метро. Она меня пока не видит, а я исподволь наблюдаю за ней.

Боже мой! А она подурнела! Она бледна, и цвет лица землистый. А главное – тусклые, грустные глаза. Ни следа от той пышущей здоровьем и радостью девушки, с которой я познакомился в июне. Но в тот краткий момент я понимаю: я все равно люблю ее. Любую. Задорную, веселую, грустную, печальную. Лишь

бы она была рядом...

Подробности того свидания почти истерлись из моей памяти.

Помню, мы много бродили пешком. Спустились вниз по улице Горького, пересекли проспект Маркса и вышли на Красную площадь. И я все дивился: до чего же Москва красива, блистательна, богата – по сравнению с тусклым, провинциальным Абаканом! Я наслаждался своим любимым великим городом.

Потом мы прошли по набережной – мимо Кремля, бассейна «Москва»... Перешли реку по Крымскому мосту и дочапали аж до Нескучного сада.

Я рассказывал ей о стройотряде, стараясь быть остроумным. И все выпрашивал: как она? Что случилось? Куда она пропала? Почему не звонила, не писала?

Наталья отвечала лапидарно: я болела. Сначала обычная простуда, а потом вдруг – осложнение.

– Что такое? Что с тобой?

Махнула рукой пренебрежительно:

– Ничего страшного. Но сначала подозревали пневмонию, сердце проверяли. В общем, поизмывались надо мной врачи...

Однако я чувствовал: она чего-то недоговаривает, от меня скрывает, что-то в ее жизни произошло важное и, похоже, неприятное. Я допытывался, задавал вопросы и так, и эдак – она уходила от ответа. А потом даже рассердилась:

– Иван! Ты что, не знаешь?! Выспрашивать женщину, почему она грустна, или печальна и плохо выглядит – дурной тон! Давай лучше сам рассказывай...

А на все мои ухищрения заманить ее к себе на квартиру она отвечала категорическим, беспрекословным отказом.

И когда мы наконец оказались вдали от людей, в чаще Нескучного сада – тоже не позволила мне ничего, кроме поцелуев.

И поцелуи ее отдавали горечью...

И опять она не сказала мне ни адрес свой, ни телефон – дала лишь только неопределенное обещание: я тебе буду звонить.

– Опять? Как в тот раз?! Появишься через два месяца?!

– Нет, теперь обещаю: завтра же позвоню.

Она, слава богу, не обманула, позвонила.

И мы стали встречаться довольно регулярно.

Ходили в кино – посмотрели, к примеру, фильм «Валентина» по вампиловской пьесе «Прошлым летом в Чулимске». «Современник» посещали, постановка, опять же, по Вампилову, которого посмертно, как у нас всегда бывает, стали поднимать на щит. Я даже вывел ее в Большой, на «Спартак». И отстаивали часы в Пушкинский музей, на выставку «Москва – Париж – Москва». И ездили в Олимпийскую деревню на концерт дурашливого молодого комика Петросяна...

Деньжата у меня после стройотряда водились. Да что там «водились»! По-настоящему много денег было. За Абакан я получил зарплату академика.

Времени свободного у меня, пятикурсника, тоже было полно. Два законных выходных в неделю, плюс пара дней самостоятельных занятий, в которые все мои однокурсники, говоря откровенно, занимались чем угодно, только не учебой. Я весь, с головой, погрузился в любовь. Вел напряженную светскую жизнь. Организовывал для любимой девушки культурную программу. Вот только близости между нами не было. Даже той, куцей, что случилась меж нами в ту летнюю ночь, до моего стройотряда.

Я не знаю, обсуждают ли между собой нынешние двадцатилетние свою интимную жизнь. Мне кажется, да. И отчего-то представляется, что разговоры на эти темы даются им легко. Во всяком случае, легче, чем нам. В наши времена даже инструментария – слов – для подобных бесед не было. Для секса еще не изобрели эвфемизмов, вроде слова «трахаться», которые были бы общеприняты и общеупотребительны, как сейчас. Неблагозвучно говорили «фАкаться», от

английского f**k, но этого даже не все понимали. А матерные слова в разговоре с девушкой самый грязный сапожник и то вряд ли в те поры применил бы. Не говоря уж о студенте. Оставался язык затасканной брошюры «Гигиена половой жизни». Однако говорить на нем с любимой казалось еще более постыдно, чем матом.

Короче, то ли от недостатка слов, то ли от стеснения между нами витала недоговоренность. И домой ко мне ехать она никак не соглашалась. И напрягалась, когда я касался ее и пытался поцеловать. И почему-то мне казалось: ей мои поцелуи даже неприятны.

Между нами словно затаилась летучая мышь. Или жаба. Скользкая, мерзкая, противная... Невозможно было ни обойти ее, ни заговорить, ни отбросить. На все мои расспросы: «Что с тобою происходит?» – Наташа замыкалась.

Однажды мы встретились днем – я сбежал с лекций, она сказала, что у нее выходной...

Я пригласил ее в кафе «Московское» на улице Горького. Мне удалось ее подпоить. Коктейль «шампань – коблер» – хорошее средство для того, чтобы снять с девушки самозащиту. И я наконец-то смог затащить ее к себе домой. Там у меня была припасена еще одна бутылка игристого полусладкого.

Наташа сильно опьянела и покорно позволила себя раздеть и прошептала только: «Я тебя сильно разочарую». И она впервые мне отдалась – безразлично, безучастно.

Только после, уже закурив, я вдруг понял: она не девушка.

Она закрыла лицо руками, а потом с вызовом спросила:

– Разочарован?

– Не знаю.

– Почему тогда молчишь?

– А что я должен говорить?

– Хоть что-то. Не знаю.

– Что ж, спасибо. Кто-то сделал эту работу за меня.

Она хлестнула меня рукой по щеке, потом заплакала.

– Ох, прости, прости... – проговорила она сквозь слезы.

Я обнял ее. Меня пронзил чудовищный всплеск ревности и жалости.

И я снова стал целовать ее...

Потом она попросила у меня сигарету.

– Ты ж не куришь?

Но она затянулась моим пижонским молдавским «Мальборо» (рубль пачка) и твердо сказала. Твердо, но сбивчиво. И не очень понятно:

– Я не буду перед тобой оправдываться. Я ни в чем не виновата. Так уж случилось. Мне было очень плохо. И ни о чем меня не спрашивай. Но ничего подобного не повторится, слышишь? Хочешь, люби меня, какая я есть.

Последние слова она произнесла шепотом, и я потянулся ее снова обнять, но объятия наши теперь были дежурными и холодными.

Наши дни

Иван Гурьев

Жизнь упала как зарница,

Как в стакан воды ресница...

Когда-то, переписывая на мелованную бумагу стихи Мандельштама, я не понимал смысла многих. Например, что значит: «Упала как зарница»? И только теперь, когда тебе под пятьдесят, понимаешь: а то и значит! Жизнь сверкнула где-то на горизонте, как перед ливнем или после, и вот только что, буквально минуту назад, ты стоял перед нею веселый, упругий, румяный, и у тебя все еще было впереди – но, не успеешь моргнуть – ты уж морщинистый, седоватый, с залысинами, коронками и лишними кило... А главное – тогда ты чего-то ждал, а теперь тебе осталось только вспоминать...

Чтобы избавиться от дурацких мыслей, я взялся за рукопись майора Аристова. Молодцы издатели и Сашенька, что подсунули мне его мемуары!..

Москва, декабрь 1983-го

Павел Савельевич Аристов,

инспектор уголовного розыска

Основано на реальных событиях

Преступление-3

Меня вызвал начальник, полковник Борис Аркадьевич Любимов. Он же в просторечии и за глаза – «полкан», «Люба» или «Аркадьич». По тому, что к нашему начальнику пристало большое количество кличек, и все они, в общем, звучали беззлобно («полкан» – от полковника, а не от собачьего имени), вы можете заключить, что он пользовался среди подчиненных доверием и авторитетом – и, пожалуй, не ошибетесь.

Аркадьич попросил меня доложить по ограблению в Люберцах. Мне было что рассказать, и я даже с воодушевлением поведал ему о допросе потерпевших – мужа и жены Степанцовых. Я сделал акцент на том, что уже определены

подозреваемые: юная парочка в джинсах на «Москвиче-2141» (рыжекудрую шалаву звать вроде бы Лера, ее поделщика Виктор). Далее я заметил, что, возможно, есть связь этого дела с поджогом в Травянном: «Обе жертвы, и люберецкая Маргарита Сергеевна, и Полина Ивановна из Травяного еще недавно работали вместе в универмаге «Столица».

Доклад мой полковник до сих пор слушал не слишком внимательно, все листал свои бумаги, а тут вдруг оживился:

- Думаешь, взялись бомбить торгашей?

- Не исключено.

- Хотя на серию явно не тянет... Может, случайность... Но все равно надо поработать в кадрах - где там, говоришь, обе потерпевшие пересекались?

- В универмаге «Столица».

- Во-во. Может, там как раз трудится наводчик или наводчица. И обеих потерпевших надо еще раз опросить - на предмет наличия криминального элемента в их окружении.

Удивительной все-таки бывает способность командиров приказывать с важным видом именно то, что ты и сам безо всяких указивок наметил делать.

- Хорошо, Борис Аркадьич.

Но как-то чувствовалось с самого начала нашего разговора: не только, ох, не только люберецкое дело, да и травяное тоже, занимают сегодня полковника. И вызвал он меня не только за тем, чтоб выслушать мой отчет. В подтверждение Аркадьич вдруг, словно бы между прочим, спросил:

- Слушай, ты такого майора, Эдуарда Верного, из московского городского ОБХСС, знаешь?

- Знаю, - без энтузиазма отвечивал я.

Пару лет назад мы с этим Верным познакомились на отдыхе в «Москвиче», нашем ведомственном санатории. Сгоняли несколько партий на бильярде, даже в баньке попарились и коньячку выпили (по его инициативе). Однако майор мне не слишком понравился. Скользкий он был какой-то. Сильно себе на уме. И говорил все время с неким подвывертом – многозначительно, будто знает о событиях и людях гораздо больше, чем может сказать. Будто у него какие-то особые источники информации есть, чуть не из самых верхов.

Не слишком люблю я подобных типов. Поэтому, честно говоря, вздохнул свободней, когда через три дня нашей вынужденной (для меня) дружбы путевка у Верного закончилась и он отбыл.

– Верный тебя тоже знает, – с лукавинкой молвил полковник. – Больше того, сообщу по секрету: именно он просил, чтоб ты расследовал дело об ограблении в Люберцах. Аристов, сказал он мне, ваш лучший сыскарь, пусть он это дело себе возьмет.

– Довольно странно.

– Почему?

– Мы с ним не друзья.

В нашем деле, как совершенно справедливо замечал вождь мирового пролетариата, очень важно вовремя размежеваться.

– Может, Верный и впрямь считает, – с прежней лукавинкой-хитринкой заявил Аркадьич, – что ты лучший сыщик в нашем управлении.

– Мне тоже эта мысль часто приходит в голову, – кивнул я.

– От скромности ты, майор, явно не умрешь.

– А что за интерес у Верного в люберецком деле, если не секрет?

– Не знаю. Может, потерпевшая – его родственница. Сестра, например, – полковник неожиданно подмигнул, – двоюродная. А может, она, скажем, его

агент.

- Или он сам эту Степанцову разрабатывает по своим делам?

- Возможно. Но я тебя, Павел Савельич, не про это вызвал. - Полковник замялся, он определенно чувствовал неловкость. Наш «полкан» - чуткий и совестливый человек.

- Раз уж к тебе сам майор Верный такое уважение и доверие питает... Тут дело, понимаешь, деликатное... Может, ерунда, а, может... Короче, ко мне жена Верного обратилась. И знаешь, почему?.. Муж - пропал. И она очень этим обеспокоена.

- Пропал? Давно?

- Сегодня утром.

- Пфф! Пропал! - усмехнулся я. - Да мало ли куда мог зарулить в течение дня мужчина в самом расцвете сил?! Бывает, и на года орлы от жен улетают!

- Тут не все так просто, Паша, - перешел на совсем уж доверительный тон Аркадьич. - Попахивает уголовщиной. А может, и чем похуже... Супруга Верного очень просила меня никакой бучи пока не поднимать, вдруг муж отыщется, живой-здоровый, тогда бы и ей, конечно, и тем более майору, лучше будет эту историю замять, для ясности... Но обстоятельства там такие... Я вкратце ее опросил...

Я чуть ли не впервые видел полковника: экающим, мекающим и почти смущенным.

- Знаешь, - продолжал он, - ситуация - очень даже не очень... Короче, Паша, у меня к тебе личная просьба: тихо и безо всякой огласки, без бумажной волокиты, займись ты этим делом. И побыстрее. А потом уж - мы с женой Верного решили: если за сутки майор не найдется, может, сам, а может, с твоей помощью - будем бить во все колокола.

Мне захотелось спросить полковника: «Интересно узнать, почему вы, Борис Аркадьич, так нянькаетесь с майором Верным? Почему выполняете просьбы его лично и супруги его? Поручаете своим сотрудникам конфиденциальные расследования? Что вас с ним связывает?»

Но, разумеется, я не спросил – субординация. Хотя, может, и осведомлюсь. В другое время или в другом месте.

У начальственных просьб, особенно неуставных, есть большой плюс: они чреватые встречными побрякушками и ответными просьбами.

– Жена Верного, кстати, ждет тебя у себя дома. Здесь недалеко, – и генерал протянул мне записанный на листке адрес: Ленинградский проспект, дом ***, квартира ***. – Но ты все равно машину возьми.

* * *

Разъездная «Волга» живенько вырулила с нашей улицы Белинского[б - Ныне Никитский переулок.] на улицу Горького возле телеграфа и минут за пятнадцать домчала меня в район «Аэропорта».

Семья Верных проживала в доме сталинских времен. Величественная громада возвышалась среди медленного снегопада. Мы заехали во двор. Я вышел из машины и отпустил водителя – не барин, метро недалеко, все равно в управление больше не поеду, вернусь сразу домой.

Квартира у Верных оказалась мощной: высокие потолки, большая прихожая, грандиозная кухня. Из прихожей выходило три двери – значит, как минимум, у них три комнаты. Н-да-с, мы с Верным – оба майоры. Однако я проживаю в панельной двухкомнатной в Конькове, а у него – трехкомнатная на Ленинградском. Воистину – два мира, два образа жизни.

Впрочем, впоследствии, где-то уже в середине нашего разговора, хозяйка, как бы невзначай, объяснила это жилищное великолепие: «Квартира моего папы, он генералом был...» Заодно и вторая тайна приоткрылась – отчего Аркадьич хлопчет за ее супруга-майора: «Кстати, ваш полковник Любимов, когда был совсем юным, в отдел моего отца после университета на службу пришел...»

Впрочем, любая информация, даже из надежных источников, нуждается в проверке, поэтому я, тоже мимоходом, поинтересовался: «А вашего батюшки как фамилия?» – и услышал имя, в милицейских кругах столь известное, что дальнейшие расспросы сами собою отпали. Аркадьич и правда любил рассказывать, как в начале шестидесятых постигал азы оперативно-разыскной работы под чутким руководством, как оказалось, тестя Верного. Вот оно, значит, как. Моими руками наш полковник отдавал долг памяти своему умершему учителю – решая проблемы его зятя. Благородно, ничего не скажешь.

Но я забежал вперед. Итак, жена Верного, по имени Ирина Сергеевна, представляла собой деловую дамочку в брючном костюме. И в туфлях. То ли она всегда так по собственной квартире расхаживала, то ли к моему приходу принарядилась.

– Раздевайтесь, – бросила дама, – ботинки ни в коем случае не снимайте и проходите за мной. И потише, дочка спит после всего, что случилось...

Она убежала на кухню, молвила в телефон: «Я не могу больше говорить, позвоню тебе, как только он уйдет», – и нажала на «отбой».

Мы оказались с Ириной Сергеевной лицом к лицу.

– Вы курите? Нет? Извините, я буду курить. Нервничаю очень... Присядьте.

Она открыла форточку, откуда дохнуло влажным морозцем. Зажгла сигарету. Курила она «Кент», остатки олимпийской роскоши, после подорожания – рупь пятьдесят за пачку. Распахнула пасть мусоропровода, куда стала стряхивать пепел.

– Тараканы, наверно, замучили? – кивнул я в сторону мусоросборника. Жена Верного мне – как, впрочем, и он сам – не слишком понравилась.

– Что?

– Не очень удобна, по-моему, такая планировка. – Я подошел ближе и похлопал по трубе, где выл ледяной ветер.

– Мы не страдаем, – холодно отвечала дама.

– Ладно. Расскажите, что у вас стряслось.

Она нервно загасила едва начатую сигарету, захлопнула крышку мусоропровода, простучала каблуками к плите, запалила конфорку, поставила чайник: собиралась с мыслями.

– Я должна начать со вчерашнего дня... Вообще, это ужасно... Наша дочка, Олюшка, учится в третьем классе. Здесь, недалеко, школа. Забирает ее обычно тетя Настя. Ну, никакая она нам не тетя, а просто помогает мне по хозяйству. Приготовить, постирать, на рынок сходить... Ну, заодно и Олюшку из школы забрать... Вот и вчера... Пришла она за ней, ждет возле раздевалки. Учительница выводит класс – а Олюшки-то и нет. Где она, что случилось? «А за ней, – учительница говорит, – какой-то мальчик минут за пятнадцать до конца уроков зашел, сказал, что ее к медсестре вызывают – я Олю и отпустила». Тетя Настя бросилась к медсестре – та говорит: никого я не вызывала, и никакой Оли Верной не видела.

Чайник закипел, и дама отвлеклась на накрывание стола, не переставая рассказывать:

– И только тут эта дурища Настя забила в колокола, побежала к директору, бросилась звонить мне на работу. Я, разумеется, сразу же звоню Эдуарду на службу: приезжай! Он поначалу отнесся к происшествию довольно-таки благодушно: «Да она, наверное, у кого-нибудь из подружек или с горки катается, пусть Настька в районе поищет, а ты одноклассниц обзвони... Да что ты выдумываешь, – говорит, – киднеппинг только на Западе бывает...» Я, разумеется, сразу же отпросилась (я во «Внешбумзагранпоставке» работаю) и помчалась домой. Мы вместе с Настей и учительницей (она тоже чувствовала свою ответственность) обежали все дворы, обошли все детские площадки, подъезды, подруг Олюшки... И только часам к пяти Эдуард понял, что положение серьезное, приехал со службы и подключился к поискам. Ему удалось разузнать, свидетели сказали, что нашу девочку после уроков видели – как она удаляется от школы за ручку с «какой-то тетей», представляете?..

– Что за тетя, как выглядела?

- Понимаете, никто из взрослых ее не заметил, а дети... Ну, что - дети! Будут они запоминать каких-то тетенок!

- А в милицию, в местное отделение, вы не обращались?

- Связывались, и их к розыскам подключили, и участковых местных тоже... Эдик вообще много куда звонил по своей линии, но куда конкретно и что спрашивал, я не знаю...

Женщина налила мне чаю. Он оказался спитой. Я вообще заметил: чем зажиточней живет семья, тем жиже у нее заварка. Может, действительно права наша пропаганда: чтобы экономика была экономной, надо начинать с себя? Сегодня ты на заварке сберегаешь - а завтра дачу в Серебряном Бору купишь?

- Угощайтесь, - дама придвинула мне вазочку, где вперемешку валялись вафли и печенье «Юбилейное».

А сама снова вскочила и распахнула отработанным движением форточку, а потом мусоропровод. Опять закурила, опять подул могильный сквозняк. А верная супруга Верного (простите за каламбур) продолжила свое повествование:

- Наконец - времени было уже около восьми, и я вся извелась - у нас раздался звонок. Трубку взял Эдуард, я слышала только его реплики. Из контекста беседы я поняла: ему как раз звонит похититель, и он просит за Олюшку выкуп, представляете?

- Сколько? - быстро переспросил я.

Женщина будто споткнулась.

- Не знаю... - Потом поправилась: - Точнее, тогда я еще не знала, сколько... Потом выяснилось: три тысячи рублей.

- А у вас эти деньги были?

- Были, - кивнула Верная. - Мы на новую машину копили.

- А кто знал, что у вас имеются сбережения?

- Да как сказать... - снова чуть замешкалась Ирина Сергеевна. - Мы особо не шифровались - но и не акцентировали... Ну, человек, может, десять знали: родные и близкие друзья... Да нет! - Она сделала отметающий жест. - Я понимаю, конечно, вы - профессионал и должны все версии отрабатывать, но тут вы попали пальцем в небо... - Спыхватилась: - Вы уж не обижайтесь.

- О чем ваш супруг с преступником разговаривал, слышали?

- Ну, я ж говорила: только его реплики.

- Воспроизведите.

- Муж пытался с ним договориться, увещевал: верните девочку по-хорошему, вам ничего не будет... Но похититель, как я поняла, разговор оборвал. Только дал Эдику послушать Олюшкин голосок, а потом, через два слова, отобрал у девочки телефон и сказал мужу: готовьте деньги, мы позвоним вам завтра утром.

По поводу этого звонка у меня возникло сразу множество вопросов. И главный: неужели это не хохма, не прикол? Не инсценировка? Неужто и правда похитили? Ох, как странно! У нас ведь не Чикаго! Я тринадцать лет в милиции и ни разу даже не слыхивал ни о каком киднеппинге среди наших родных осин! А тут - вообще ни в какие ворота не лезет: украли дочку сотрудника милиции! Или преступники совсем уж без царя в голове и не ведали, что творят, или у них были серьезнейшие основания похищать именно девочку Верных. Но какими могут быть эти основания? Деньги? Никогда сотрудники милиции в средствах не купались, и любой злоумышленник о данном факте прекрасно информирован. Да и три тысячи, что заломили в качестве выкупа похитителя, не бог весть какой куш... Может, выкуп лишь ширма, дымовая завеса? А реальный мотив похищения: допустим, месть со стороны одного из преступников, осуждению которого способствовал Верный? Или, напротив, предупреждение, которое сделал ему кто-то из фигурантов одного из его нынешних расследований? Чем, интересно, занимался майор? Участвовал ли он в разработке громких дел последнего времени: директора «Елисеевского», фирмы «Океан», краснодарско-сочинской мафии?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сейчас – город Тверь.

2

Ныне – «Выхино».

3

Ныне – станция «Сухаревская».

4

Новые автомобильные номера – черные символы на белом фоне – стали внедряться в СССР в 1980 году. Машины, зарегистрированные в предыдущие годы, снабжались номерными знаками старого образца: белые буквы на черном

фоне.

5

Теперь – Спиридоновка.

6

Ныне Никитский переулок.

Купить: https://tellnovel.com/litvinovy_anna-i-sergey/ya-tebya-nikogda-ne-zabudu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)